

II. ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Акинфиева В. В., Воронцов С. Г. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 226–247. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247.

Akinfiyeva V. V., Vorontsov S. G. Publichnoe, chastnoe, tsivil'noe i grazhdanskoe pravo: sodержanie ponyatij v drevnerimskikh i sovremennykh doktrinal'nykh istochnikakh [Public, Private, Civil Law, and Jus Civile: Content of the Concepts in Ancient Roman and Modern Doctrinal Sources]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 226–247. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247.

УДК 340.01

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247

**ПУБЛИЧНОЕ, ЧАСТНОЕ, ЦИВИЛЬНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО:
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ В ДРЕВНЕРИМСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ДОКТРИНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ**

В. В. Акинфиева

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный исследовательский университет 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1536-3715

ResearcherID: F-3330-2017

E-mail: vakinfieva@yandex.ru

С. Г. Воронцов

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный исследовательский университет 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0184-7468

ResearcherID: K-7286-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-402-412

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-15-23

E-mail: medeo2006@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2019

Введение: Теория правового дуализма берет свое начало в работах древнеримских юристов, и со времен Дигест Юстиниана бесчисленные поколения последователей Ульпиана привычно делят право на публичное и частное. Вместе с тем современные представления о правовом дуализме и содержательная часть используемых при этом категорий зачастую не совпадают со значениями одноименных терминов античных юристов, что указывает на искажение или полную утрату изначально заложенных смыслов. Это обстоятельство диктует необходимость восстановления «первоначального информационного сигнала». Одним из действенных приемов, направленных на решение подобных задач, является способ верификации – сопоставления сообщений с заданными, эталонными параметрами. Широко используемый в теории связи, этот метод применим и в правоведении. В настоящем исследовании в качестве эталона – «начального информационного сигнала» – используется текст Дигест Юстиниана, содержание

II. CIVIL AND BUSINESS LAW

Information for citation:

Akinfiyeva V. V., Vorontsov S. G. Publichnoe, chastnoe, tsivil'noe i grazhdanskoe pravo: sodержanie ponyatij v drevnerimskikh i sovremennykh doktrinal'nykh istochnikakh [Public, Private, Civil Law, and Jus Civile: Content of the Concepts in Ancient Roman and Modern Doctrinal Sources]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 47. Pp. 226–247. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247.

UDC 340.01

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-226-247

**PUBLIC, PRIVATE, CIVIL LAW, AND JUS CIVILE: CONTENT OF THE
CONCEPTS IN ANCIENT ROMAN AND MODERN DOCTRINAL SOURCES**

V. V. Akinfiyeva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0002-1536-3715

ResearcherID: F-3330-2017

E-mail: vakinfieva@yandex.ru

S. G. Vorontsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0003-0184-7468

ResearcherID: K-7286-2016

Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science':

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-402-412

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-15-23

E-mail: medeo2006@mail.ru

Received 10.10.2019

Introduction: the theory of legal duality originated from works of ancient Roman jurists. Since the Digest of Justinian appeared, the law has traditionally been divided into public and private by numerous generations of Ulpian's followers. However, modern interpretation of legal duality and the related categories sometimes differs from that of ancient jurists, which can indicate either distortion of the original meaning or its complete loss. This fact brings about the necessity to recover the original content of the concepts. One of the most effective ways to solve such problems is the verification method, that is comparison of messages with the given etalon parameters. Widely used in the theory of communication, this method can be equally applied in legal science. In the present study, in order to reveal discrepancies in the interpretations, the text of the Digest of Justinian, used as an etalon, will be compared to the understanding of legal duality by modern lawyers. **Purpose:** to determine the true meaning of the concepts of public law, private law, civil law and jus civile through comparing modern interpretation of these categories with that they had in ancient, mostly Roman, law. **Results:** the study has revealed a significant number of major discrepancies between the modern theory of legal duality and the meanings initially carried by its categories. Distortions were revealed in the understanding of all the key concepts: public law, private law, civil law, and jus civile; jus naturale legal consciousness was found to be replaced with legal consciousness of another type. **Conclusions:** public law of Ancient Rome in its original meaning has no equals in any modern law, including Russian jurisprudence. According to the famous Russian jurist I. M. Pokrovsky, ancient Roman

которых будет проецироваться на современные представления юристов о дуализме права, в целях обнаружения смысловых отклонений. **Цель:** уяснение истинного смысла терминов «публичное», «частное», «гражданское» и «гражданское» право путем сопоставления современных представлений об этих категориях с начальными значениями древнего, преимущественно римского, права. **Результаты:** выявлено множество критических отклонений современной теории правового дуализма от изначально заложенных смыслов. Искажения, вплоть до замены существовавшего (юс натуралистического) типа правового понимания, выявлены во всех содержательных конструкциях ключевых понятий: «публичное», «частное», «гражданское», «гражданское» и собственно «право». **Выводы:** публичное право Древнего Рима, в его истинном значении, не имеет своего аналога в современной, в том числе и российской, юриспруденции. Это «божеское право» (по определению И. М. Покровского) или отношения сверхъестественного начала (Рим, римская община – богу). Поэтому все наше «писаное» право является, по определению Дигест, частным, а точнее – гражданским, и называть его отдельные части словом «публичное», да еще и со ссылкой на критерий Ульпиана, совершенно необоснованно.

Ключевые слова: публичное и частное право; гражданское право; критерий Ульпиана; Дигесты Юстиниана; гражданское право; цивилистика

PUBLIC, PRIVATE, CIVIL LAW, AND JUS CIVILE: CONTENT OF THE CONCEPTS IN ANCIENT ROMAN AND MODERN DOCTRINAL SOURCES

V. V. Akinfieva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-1536-3715
ResearcherID: F-3330-2017
E-mail: vakinfieva@yandex.ru

S. G. Vorontsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-0184-7468
ResearcherID: K-7286-2016
Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science':
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-402-412
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-15-23
E-mail: medeo2006@mail.ru

Received 10.10.2019

Introduction: the theory of legal duality originated from works of ancient Roman jurists. Since the Digest of Justinian appeared, the law has traditionally been divided into public and private by numerous generations of Ulpian's followers. However, modern interpretation of legal duality and the related categories sometimes differs from that of ancient jurists, which can indicate either distortion of the original meaning or its complete loss. This fact brings about the necessity to recover the original content of the concepts. One of the most effective ways to solve such problems is the verification method, that is comparison of messages with the given etalon parameters. Widely used in the theory of communication, this method can be equally applied in legal science. In the present study, in order to reveal discrepancies in the interpretations, the text of the Digest of Justinian, used as an etalon, will be compared to the understanding of legal duality by modern lawyers. **Purpose:** to determine the true meaning of the concepts of public law, private law, civil law and jus civile through comparing modern interpretation of these categories with that they had in ancient, mostly Roman, law. **Results:** the study has revealed a significant number of major discrepancies between the modern theory of legal duality and the meanings initially carried by its categories. Distortions were revealed in the understanding of all the key concepts: public law, private law, civil law, and jus civile; jus naturale legal consciousness was found to be replaced with legal consciousness of another type. **Conclusions:** public law of Ancient Rome in its original meaning has no equals in any modern law, including

public law is law created by the god; it could be characterized as a phenomenon of transcendental origin (with Rome, Roman community being perceived as the gods). Thus, through the prism of the Digest, all the modern written law is just private law, or, more specifically, jus civile, and there is no reasonable ground to name it public, let alone associate it with the Ulpian's criterion.

Keywords: public and private law; jus civile; Ulpian's criterion; Digest of Justinian; civil law

Information in Russian

ПУБЛИЧНОЕ, ЧАСТНОЕ, ЦИВИЛЬНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ В ДРЕВНЕРИМСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ

В. В. Акинфиева

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-1536-3715
ResearcherID: F-3330-2017
E-mail: vakinfieva@yandex.ru

С. Г. Воронцов

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-0184-7468
ResearcherID: K-7286-2016
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-402-412
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-15-23
E-mail: medeo2006@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2019

Введение: Теория правового дуализма берет свое начало в работах древнеримских юристов, и со времен Дигест Юстиниана бесчисленные поколения последователей Ульпиана привычно делят право на публичное и частное. Вместе с тем современные представления о правовом дуализме и содержательная часть используемых при этом категорий зачастую не совпадают со значениями одноименных терминов античных юристов, что указывает на искажение или полную утрату изначально заложенных смыслов. Это обстоятельство диктует необходимость восстановления «первоначального информационного сигнала». Одним из действенных приемов, направленных на решение подобных задач, является способ верификации – сопоставления сообщений с заданными, эталонными параметрами. Широко используемый в теории связи, этот метод применим и в правоведении. В настоящем исследовании в качестве эталона – «начального информационного сигнала» – используется текст Дигест Юстиниана, содержание которых будет проецироваться на современные представления юристов о дуализме права, в целях обнаружения смысловых отклонений. **Цель:** уяснение истинного смысла терминов «публичное», «частное», «гражданское» и «гражданское» право путем сопоставления современных представлений об этих категориях с начальными значениями древнего, преимущественно римского, права. **Результаты:** выявлено множество критических отклонений современной теории правового дуализма от изначально заложенных смыслов. Искажения, вплоть до замены существовавшего (юс натуралистического) типа правового понимания, выявлены во всех содержательных конструкциях ключевых понятий: «публичное», «частное», «гражданское», «гражданское» и собственно «право». **Выводы:** публичное право Древнего Рима, в его истинном значении, не имеет своего аналога в совре-

Russian jurisprudence. According to the famous Russian jurist I. M. Pokrovsky, ancient Roman public law is law created by the god; it could be characterized as a phenomenon of transcendental origin (with Rome, Roman community being perceived as the gods). Thus, through the prism of the Digest, all the modern written law is just private law, or, more specifically, jus civile, and there is no reasonable ground to name it public, let alone associate it with the Ulpian's criterion.

Keywords: public and private law; jus civile; Ulpian's criterion; Digest of Justinian; civil law

Введение

Деление права на публичное и частное известно юристам со времен Древнего Рима. Именно так правильнее будет сказать, не тиражируя распространенное суждение о том, что «впервые с таким делением мы знакомимся в трудах известного древнеримского юриста Домития Ульпиана (конец II – начало III в. н. э.)» [16, с. 59].

Классификация «публичное – частное» была известна задолго до Ульпиана и встречалась в предшествовавших Дигестам законах Нумы Помпилия (753–672 гг. до н. э.) и Законах XII таблиц (451–450 гг. до н. э.) (об этом подробнее см., например, [13, с. 13]). Поэтому логичнее предположить, что Ульпиан – не автор классификации, а тот, кто сформулировал или только воспроизвел в одной из своих работ (книга первая «Институций») основание для такого деления.

С подобной оценкой согласны не все отечественные исследователи. Есть и другие мнения. К примеру, проф. М. Н. Кузнецов считает, что эта классификация возникла гораздо позднее Ульпиана, уже после распада Римской империи: «Сегодня ошибочно принято считать, что традиция деления права на частное и публичное восходит к римскому праву. Однако новейшие исследования показывают, что это произошло несколько столетий спустя после распада Западной Римской империи» [14, с. 236].

С тех пор, когда Ульпиан записал свой знаменитый критерий, попавший на первые страницы Дигест императора Флавия Юстиниана в 533 году н. э., публично-частная классификация «обросла» теориями, мнениями и многочисленными комментариями. Привычку делить право на две составляющие переняли многие страны, относящие себя к так называемой романо-германской правовой группе: Гер-

мания, Италия, Россия, Португалия, Франция и др. В Европе на базе идей дуалистической концепции выросли целые школы и философские течения, в числе которых, в первую очередь необходимо назвать «историческую школу права». Именно приверженцев этой школы называли пандектистами (в честь греческого синонима римских Дигест), и совершенно не случайно.

Являясь приверженцами самой развитой правовой системы древности, пандектисты не остановились исключительно на ее изучении, а продвинулись далеко вперед и в плане теории, и в плане практического применения античных регламентаций. В результате был не только создан основной источник германского частного права, но и разработан вариант образцовой кодификации, получившей название пандектной формы, а также ряд важнейших категорий и институтов современного частного права, таких как гражданско-правовая сделка, договор, обязательство и др.

В отличие от европейских стран, Россия не всегда признавала практическую значимость и теоретическую состоятельность дуалистической концепции права. Известное письмо В. И. Ленина к Д. И. Курскому положило в свое время конец изысканиям отечественных правоведов в этом вопросе: «Не поддаваться Наркоминделу, который “по должности” тянет линию “приспособления к Европе”, а бороться с этой линией, вырабатывать новое гражданское право, новое отношение к “частным” договорам и т. п. Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это – мы, как сказано выше. Отсюда – расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения; расширить право государства отменять “частные” договоры; применять не *corpus juris romani*

менной, в том числе и российской, юриспруденции. Это «божеское право» (по определению И. М. Покровского) или отношения сверхъестественного начала (Рим, римская община – боги). Поэтому все наше «писаное» право является, по определению Дигест, частным, а точнее – гражданским, и называть его отдельные части словом «публичное», да еще и со ссылкой на критерий Ульпиана, совершенно необоснованно.

Ключевые слова: публичное и частное право; гражданское право; критерий Ульпиана; Дигесты Юстиниана; гражданское право; цивилистика

Introduction

Jurists have been dividing law into public and private since ancient Roman times. This wording appears to be more correct than the widely accepted opinion that the Roman jurist Ulpian was first to separate these two categories in his works (late 2nd – early 3rd centuries AD) [16, p. 59].

In fact, the division of law into public and private had been known long before Ulpian. It was mentioned in the acts of Numa Pompilius (753–672 BC) and in the *Law of the Twelve Tables* (451–450 BC), which preceded the *Digest* (for further information refer to [13, p. 13]). Given these facts, it would be reasonable to assume that Ulpian was not the author of the classification but the one who suggested or just presented the basis for it in one of his works (*Institutes*, Book I).

It must be noted that not all Russian researchers share this point of view. There are other opinions. For example, prof. M. N. Kuznetsov thinks that the classification appeared significantly later than Ulpian's time, after the breakdown of the Roman Empire: 'Today it is a common mistake to believe that the tradition to divide law into private and public dates back to the Roman law. The latest studies, however, show that the division took place several years after the breakdown of the Roman Empire' [14, p. 236].

Nevertheless, since the time Ulpian wrote down his famous criterion mentioned in 533 AD on the first pages of the *Digest* of Justinian, the public – private classification of law has been surrounded with a great number of opinions, attitudes and comments. Many countries belonging to the so-called Romano-Germanic legal family have

continued the tradition of dividing law into the two components. These are such countries as Germany, Italy, Russia, Portugal, France, and many others. Based on the ideas of the duality conception, the whole schools and philosophical teachings have appeared in Europe. One of the schools stands out – the German Historical School, whose representatives were called Pandectists (after the Greek synonym for Roman Digest).

Being devotees of the most developed ancient legal system, the Pandectists did not limit themselves to just studying it; they went much further in both theory and practical application of ancient regulations, which resulted in the creation of the major source of German private law. Moreover, they developed the principle of creating a code of law called the pandect system, as well as a range of crucial categories and institutions of modern law such as the civil transaction, contract, liability, etc.

Unlike European countries, Russia has not always recognized practical value or theoretical validity of the legal duality concept. In his well-known letter to D. I. Kursky, V. I. Lenin wrote: 'Do not give in to the People's Commissariat for Foreign Affairs that ex officio insists on the adjustment to Europe, but fight this line, develop new civil law, a new one in relation to private contracts, etc. We do not accept anything private; all areas of economy are public for us but never private. The only capitalism we accept is state capitalism and the state is us as has been stated above. So, our goal is to extend government intervention into private legal relations; extend the right of the state to cancel private contracts, apply not *corpus juris*

к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание» [15, с. 398].

Вследствие этого в течение без малого семидесяти лет теория деления права на публичное и частное если и упоминалась, то только в контексте критических замечаний в адрес «не имеющей под собой научной основы буржуазной правовой теории». Такими характеристиками привычно снабжались публикуемые издания советского периода и даже самые выдающиеся исследователи гражданского права того времени были весьма категоричны на этот счет (подробнее об этом см. [18, с. 14]).

К примеру, О. С. Иоффе в труде «Гражданско-правовая доктрина промышленного капитализма», впоследствии ставшем классикой юридической литературы, писал: «Но если свою полную беспомощность буржуазная цивилистика обнаруживает даже в вопросе, обладающем почти исключительно практической направленностью, легко представить то поистине безвыходное положение, в которое ее ставит дуализм публичного и частного права, вне социальных факторов вовсе не объяснимый» [10, с. 78]. Надо отметить, что это беспрецедентное обвинение в теоретической беспомощности было высказано в адрес безоговорочного авторитета современной российской цивилистики Г. Ф. Шершеневича.

Аналогичные характеристики буржуазной науке давались и учеными стран социалистического лагеря. К примеру, известный чешский исследователь римского права Милан Бартошек высказывался на этот счет следующим образом: «В мировой романистической литературе существует несколько энциклопедических трудов по римскому праву, но ни один из них не удовлетворяет требованиям социалистической науки» [1, с. 15].

Действительно, правоведение в России пережило несколько этапов в своем развитии представлений о дуализме и фактически опробовало всю палитру восприятия, – от полного отрицания до безоговорочного доверия. До революции 1917 года идея дуализма права всецело захватывала умы ведущих цивилистов отечества и был период, когда Петербургский университет отправлял студентов за рубеж, в Германию, к самому К. Ф. Савиньи – основному апологету теории пандектного права. Римское право преподавалось на латыни, а профессора

Московского университета писали книги о влиянии греческой философии на римских юристов на немецком языке¹ (см., например, [48]). Все это указывает на то, что идеи дуализма имели в дореволюционной России серьезную как теоретическую, так и материальную научную основу.

После распада Советского Союза в 1991 г. интерес к теории правового дуализма разгорелся с новой силой и продолжает занимать умы исследователей до настоящего времени. Это обстоятельство является следствием особенностей исторического развития отечественного правоведения, которое, как уже было сказано, на протяжении многих десятков лет отвергало все частное в праве. В результате редкий отечественный учебник по теории права, гражданско-правовой или смежной специальности обходит своим вниманием эту проблематику.

Обнаруживая зачастую завидное единомыслие в вопросах необходимости и пользы классификации, делящей право на публичное и частное, как современные исследователи, так и классические пандектисты XIX века чаще всего вкладывают в содержание употребляемых категорий значения, совершенно не совпадающие с представлениями древнеримских юристов, называя это «трансформацией понятий». При этом иллюстрациями существующих терминологических несоответствий и понятийных различий являются одинаково звучащие, но совершенно разные по смыслу и содержанию ключевые позиции теории правового дуализма – «публичное», «частное», «гражданское», «цивильное» и собственно «право».

Право, юриспруденция и «критерий Ульпиана»

Дигесты Юстиниана начинаются с того, что всем изучающим право объясняется этимология этого слова и говорится, что происходит оно от термина «справедливость». Право и справедливость – синонимы для римлян. Для понимания этой принципиальной установки уместно привести мнение Юлия Павла из 14-й книги «Комментариев к Сабину»: «Говорится, что претор высказывает право [выносит решение], даже если он решает несправед-

¹ Имеется в виду работа профессора Московского университета Павла Эмильевича Соколовского.

romani to civil legal relations but our revolutionary legal consciousness' [15, p. 398].

After that for over 70 years the theory of division of law into public and private was mentioned very rarely; and if it was – only to be criticized as being a bourgeois theory without any scientific background. It was a common attitude in the Soviet Union and even prominent public law researches shared it (for further detail see [18, p. 14]).

There is a well-known work *Civil Theory of Industrial Capitalism* by the outstanding Soviet jurist O. S. Ioffe which has become the classics of legal writing. Ioffe noted that bourgeois civil law was totally helpless in terms of merely practical questions, let alone the issues of legal duality, which is impossible to explain and understand outside social factors [10, p. 78]. It has to be mentioned that this accusation in theoretical weakness was made with regard to G. F. Shershenevitch, who is considered an unconditional authority in modern science of civil law.

The same characteristics were given to the bourgeois science by scholars from the Soviet bloc. For instance, the famous Czech researcher in Roman law Milan Bartoshek stated that there is a range of influential works on this issue in Roman studies but none of these is able to meet the requirements of socialist science [1, p. 15].

In fact, Russian legal science has gone through several stages in its attitudes toward legal duality and treated it in different ways, from a complete negation to a strong support. Before the Revolution of 1917, leading Russian specialists in civil law were obsessed with the idea of legal duality, and there even was a period when students of St. Petersburg University were sent to Germany to study under the unchallenged authority on the pandect system of law F. C. von Savigny. Roman law was taught in Latin, and Moscow University pro-

fessors wrote articles in German on the influence of Greek philosophy on Roman jurists¹ (see, for example, [48]). All these facts provide evidence that in the pre-revolutionary period the ideas of legal duality had significant theoretical and material scientific base in Russia.

After the breakup of the Soviet Union in 1991, the interest to the theory of legal duality rose sharply, and these issues still occupy the minds of researchers. This situation is caused by the peculiarities of the historical development of Russian legal science, which for many years had been denying everything private about the law, but has changed its attitudes. As a result, hardly any Russian textbook on legal theory neglects this problem, should it be a book on civil law or a related area.

Modern researchers, as well as the classic Pandectists of the 19th century, agreeing about the necessity and benefits of dividing law into public and private, generally mean something completely different from the Roman jurists' conceptions, explaining this as a 'transformation of notions'. The key concepts of the theory of legal duality can illustrate the point: such terms as 'public', 'private', 'civil', 'jus civile' and 'law' itself have completely different meanings from those of the ancient researches.

Law, Jurisprudence and Ulpian's Criterion

The *Digest* of Justinian begins with explaining the etymology of the word 'law' to those studying it and with saying that its meaning comes from the term 'justice'. The Romans treated law and justice as synonymous concepts. In order to understand this fundamental principle, it is appropriate to quote an opinion of Julius Paulus Prudentissimus from the 14th book of the *Notes on Sabinus*: 'It is said that a praetor articulates the law (passes a judgment) even if his judgement is unfair; this (the

¹ This refers to the paper by prof. of Moscow University P. E. Sokolovsky.

ливо; это [слово] относится не к тому, что претор сделал, но к тому, что ему надлежало сделать» [9, с. 86, 87]¹. То есть право, даже если люди, «высказывающие право», ошиблись, всегда справедливо и неизменно безошибочно.

Указание на неразрывную связь справедливости и права мы можем встретить и в работах других выдающихся юристов Древнего Рима. Так, Домиций Ульпиан в 1-й книге «Институций» начинает объяснение термина «право» с дефиниции Публия Ювенция Цельса, определявшего данный термин как «искусство доброго и справедливого» (*jus² est ars boni et aequi*). По мнению Ульпиана, это определение является одним из самых удачных. Он называет его *eleganter* – «превосходный» [9, с. 82, 83]. С фрагментов этих работ, собственно, и начинается книга первая Юстиниановых Дигест.

Для современного юриста подобные термины лишены точного понятийно-категориального содержания. Категории добра и зла, справедливого и несправедливого сегодня не являются сферой профессиональных обязанностей и интересов правоведов и составляют систему морально-нравственных ценностей, находящихся в рамках иной видовой совокупности социальных норм.

Привыкший относиться к праву как к системе формально определенных, т. е. письменных, установленных (санкционированных) и охраняемых силой государства общих правил поведения, рассчитанных на многократное применение, современный юрист чаще всего вряд ли представляет себе многозначие и содержательную составляющую древнеримских аналогов.

Во времена Древнего Рима термин «право» так же, как и сейчас, был многоаспектным, но его содержание не совпадало с современными представлениями. К примеру, Павел

¹ Цитируется по первому полному русскому изданию Дигест 2002 г., характерной особенностью которого является одновременное постраничное воспроизведение оригинального текста и соответствующего русского перевода, что предоставляет читателю дополнительную возможность не только попрактиковаться в изучении латыни, но и убедиться в точности предлагаемого перевода. Все ссылки на это издание по тексту статьи снабжены указаниями на постраничное расположение того или иного цитируемого фрагмента путем указания на страницу латинского варианта, а через точку с запятой – соответствующей странице русского перевода.

² В данной статье лат. *ius* (др.-рим.) и *jus* (ср.-век.) объединены написанием *jus*.

в 14-й книге «Комментариев к Сабину» называет следующие смыслы:

– право – это то, что всегда является добрым и справедливым. Под этим определением он имеет в виду естественное право (*jus naturale*);

– право – это то, что полезно всем или многим в государстве. И это право гражданское (*jus civile*);

– право – это высказанное претором решение (*jus honorarium*);

– право – это место, где «претор ... устанавливает судоговорение» (*jus appellatur*).

Список дополняет Марциан в 1-й книге «Институций», указывая еще на одно значение: «Иногда мы говорим “право” о родственных связях. Например, “мне принадлежит право родства или свойства”» (*jus cognationis vel affinitatis*) [9, с. 86–89].

Перечисленные варианты в понимании права не исчерпывают широкую палитру представлений древних. В разделе настоящей работы, посвященной частному праву, этот список будет продолжен.

Современные российские авторы учебных и научных трудов по теории государства и права обычно рассматривают право как науку, как систему правовых норм, как совокупность форм выражения норм права или как учебную дисциплину. Подобным образом поступают и авторы отраслевых изданий. При этом ранее употреблявшиеся в определениях права категории добра, справедливости или пользы (для всех или многих) в современных дефинициях не используются.

Юристы настоящего времени являются специалистами в области преимущественно «писанного права» (*jus scriptum*), и стоит отметить, что сфера профессиональных интересов юристов древности, а равно и предмет юриспруденции, была несоизмеримо шире. «Юриспруденция, – писал Ульпиан, – есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом» [9, с. 86, 87]. Ни божественными, ни морально-нравственными категориями современное правоведение сейчас не занимается. Круг профессиональных юридических задач заметно сузился.

Как видно из приведенных примеров, за полторы тысячи лет накопилось множество несоответствий даже в значениях основных и час-

word) refers not to what the praetor has done but to what he had to do» [9, pp. 86, 87]¹. This means that the law is always fair and unquestioned even if a person ‘articulating the law’ is mistaken.

The works of other prominent Roman jurists indicate that justice and law were inextricably intertwined. For example, in the 1st book of the *Institutes*, Ulpian begins his explanation of the concept of ‘law’ providing the definition by Publius Juventius Celsus who interpreted this term as ‘an art of the good and the fair’ (*jus est ars boni et aequi*). In Ulpian’s opinion, this definition is one of the most appropriate, he call it ‘*eleganter*’ – perfect. [9, pp. 82; 83] is one of the best ones. Thus, the fragments of these works laid the foundation for the first book of the *Digest* of Justinian.

Modern jurists would not consider the above categories related to their professional field. Having formed a separate group of social norms, the categories of the good and the evil, the fair and the unfair are now included into the system of moral values and are not the subject of professional interest of law scholars.

Today legal scholars can hardly understand the content and the multi-meaning nature of ancient concepts because they are used to treating law as a system of formally established, written, and protected by the state power general regulations which are supposed to be repeatedly applied.

In ancient Rome the concept of ‘law’ was multi-aspect, the same as it is now, but its content was different from the modern interpretation. For

¹ Cited by the first Russian edition of the *Digest* 2002, a special feature of which is simultaneous page by page representation of the original text and its Russian translation, providing the reader with the opportunity not only to practice Latin but also to check the accuracy of the translation. All the links to this edition contain references to the page where the cited fragment is located by specifying the page number in the Latin version and the number of the corresponding page of Russian translation separated by a semicolon.

example, in the 14th book of the *Notes on Sabinus* Paulus gives the following definitions of law:

– law is something that is always good and fair. Here he means natural law (*jus naturale*);

– law is something that is useful for everyone or the majority of the state. Here he means civil law (*jus civile*);

– law is the decision articulated by the praetor (*jus honorarium*);

– law is a place where the praetor arranges pleadings (*jus appellatur*).

The list is added by Marcian in the 1st book of the *Institutes* where he provided another meaning: ‘we sometimes apply the word ‘jus’ to family ties, for example, a man may say ‘I possess *jus cognationis* or *adfinitatis*’ (I am connected by blood or marriage)’ [9, pp. 86–89].

However, the variety of interpretations of law by the ancient Romans goes far beyond the above variants. This list will be extended in one of the following sections of this paper.

Modern Russian authors of academic and scientific literature on the theory of state and law tend to consider law as a science, as a set of legal norms, as forms of expression of legal norms taken as a whole, or as an academic discipline. The authors of specialized publications treat it in the same ways. However, modern definitions do not contain the earlier mentioned categories of the good, the fair, or the use (for everyone or the majority).

Present-day lawyers generally have expertise in written law (*jus scriptum*), whereas the object of professional interest of ancient Roman jurists, as well as their interpretation of law, was much wider. ‘Jurisprudence is the cognition of divine and human deeds, the study of the fair and the unfair’, wrote Ulpian [9, pp. 86–87]. Modern law studies neither divine nor moral categories though. The range of professional legal issues has grown significantly narrow.

As it follows from the above examples, a lot of discrepancies have appeared over 1500 years, those concerning even the meanings of the fundamental and frequently used categories. Unfortunately, that is inherent in any kind of information.

то употребляемых категорий. К сожалению, это обычное свойство любой информации. Без соответствующих действий по восстановлению первоначального значения тех или иных терминов информационный сигнал естественным образом всегда «затухает» со временем.

Как хорошо известно из кибернетических дисциплин, многократная передача информации, к примеру, от одного поколения юристов к другому в конце концов всегда приведет к частичной или полной утрате начальных сведений. Относительно избранной для изучения теории заметим, что современный правовой дуализм является примером того, как долго можно теоретизировать, давно утратив начальный смысл и истинное содержание.

Формулируя свои рекомендации изучающим право, исключительно с образовательной целью, Домиций Ульпиан, в уже упоминавшейся 1-й книге Институций, действительно пишет о классификации права, деля его на две составляющие: публичное и частное. И фраза на латыни: *Publicum jus est quod ad statum rei Romani spectat privatum quod ad singulorum utilitatem: sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim* хорошо известна многим поколениям юристов под стратой «критерий Ульпиана». Именно на основе этого критерия тогда и до сих пор производятся логические операции, критически оцениваются классификации и пишутся научные труды. Однако большинство исследователей, к сожалению, по неизвестным причинам, не дочитывают текст до конца и совсем не принимают во внимание содержательную часть классификации права по Ульпиану. При этом хорошо всем известный критерий представляет собой фразу вне контекста и потому никакой самостоятельной методологической роли не имеющую. В частности, Ульпиан дает точные и исчерпывающие пояснения относительно того, что нужно понимать под терминами «публичное» и «частное» право.

Публичное право, жрецы и децемвиры

«Публичное право, – пишет Ульпиан, – включает в себя священнодействия (*sacris*), служение жрецов (*sacerdotibus*) и положение магистратов (*magistratibus constitit*)» [9, с. 82, 83]. Как из этого содержания может последовать вывод о том, что отраслями публичного права

являются конституционное, уголовное, финансовое или тому подобное правовое образование, объяснить не представляется возможным. Но современная юриспруденция делает подобные умозаключения с удивительной легкостью.

Вместе с тем публичное право – это действительно свод неких правил, касающихся всех, «положения Рима». Но если современник под публичным правом понимает урегулированные на основе императивных норм отношения субординации между государством и гражданами, то для Ульпиана – это отношения совершенно иного порядка. Это отношения римской гражданской общины (всего Рима), с одной стороны, и богами, с другой стороны. Для того чтобы получить благоволение богов, необходимо было соблюдать правила, предусмотренные соответствующим соглашением с этим миром, ранее даже обозначавшимся специальным термином – *pax deorum*. Субъектный состав публичных правоотношений, по Ульпиану, – это Рим и боги, а не государство и подданные.

В советское время любой намек в научном тексте на значимость или простое упоминание элементов религиозного культа были неуместными, если не сказать недопустимыми. Наука считалась единственным объективным способом познания мира, а все остальное объявлялось устаревшим пережитком прошлого, отвергалось или замалчивалось. С учетом существовавших в то время идеологических установок эта позиция понятна. Но сейчас необходимо обращать внимание на эти вещи и нивелировать возникшие искажения, поскольку идеология зачастую уходила в разряд дополнительных умозаключений, менявших начальные значения передаваемой информации.

Применительно к рассматриваемой категории – публичному праву весь религиозный, жреческий, сакральный, божественный, метафизический контекст со временем исчез из научных работ, и не только из советских. Хотя именно на их примере этот процесс прослеживается нагляднее всего.

К примеру, О. С. Иоффе в «Юриспруденции Древнего Рима» писал: «Сами римляне, и в частности Цицерон, называют юристов советниками магистратов и граждан по правовым вопросам (*domus juris consulti totius oraculum civitatis*)» [10, с. 20]. Здесь мы видим «советский» вариант латыни, слегка «подправлен-

The original informational signal will fade naturally if not maintained by appropriate procedures.

As it is well known from cybernetic disciplines, multiple transfer of information from one generation of jurists to another will finally lead to a partial or complete loss of the original data. Concerning the theory under study, it can be stated that modern legal duality is the example of how one can speculate for a long time having lost the original sense and genuine content.

In connection with this, the following example can be provided. When giving recommendations to those studying law with an educational purpose in his 1st book of the *Institutes*, Ulpian writes about the classification of law and divides it into two categories: public and private. The famous statement in Latin '*Publicum ius est quod ad statum rei Romani spectat privatum quod ad singulorum utilitatem: sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim*' is well known to numerous generations of jurists as Ulpian's criterion. This is the way logical operations have been performed, classifications developed have been evaluated, and scientific papers have been produced. Unfortunately, the majority of researchers tend not to get acquainted with the text to the end and do not take into consideration the content of the part containing classification of law proposed by Ulpian. Thus, this well-known criterion appears to be a taken-out-of-context phrase that does not have any methodological value on its own. Meanwhile, Ulpian provides exact and full explanations concerning what is meant by public and private law.

Public Law, Priests and Decemvirs

According to Ulpian, public law includes performance of divine service (*sacris*), worship by priests (*sacerdotibus*), and regulations by magistrates (*magistratibus constitit*) [9, pp. 82–83]. For some inexplicable reason, based on that, modern legal scientists draw a conclusion that the branches of public law are constitutional law, financial law,

and other similar legal institutions. This conclusion appears to be baseless.

Public law is objectively a set of rules relating to everyone. However, modern jurists consider public law to be governing relationships between individuals and the government under mandatory rules, while Ulpian interpreted it in a totally different way: on the one hand, this is the relationships inside the Roman civil community (the whole Rome) and, on the other hand, the relationships with gods. In order to be blessed by gods, one must follow the rules set by the relevant agreement with the world; there used to be a special term for it – *pax deorum*. In accordance with Ulpian, the subjects of the legal relationship in public law are Rome and gods but not the government and its citizens.

In the Soviet period, any mentioning of religious cult elements and even hinting at their significance was absolutely inappropriate. The only way of conceiving the world was science, and all other ways were considered relics of the past, rejected or suppressed. This situation was the result of ideological orientation of the time when ideology was the factor that could alter the original meanings of concepts. That is why now, when the situation has changed, all the interpretations must be reconsidered and the distortions must be corrected.

However, one can see in academic papers, and not only Soviet ones, that over time all the religious, sacerdotal, divine, metaphysical aspects disappeared gradually from public law. The works created by Soviet legal scientists are the brightest example of that.

For instance, O. S. Ioffe wrote in his *Roman Law*: 'The Romans themselves, and Cicero in particular, call jurists magistrates' and citizens' legal advisors (*domus juris consulti totius oraculum civitatis*)' [10, p. 20]. And here one can notice that in

ный» атеистической идеологией. В русском варианте из высказывания Цицерона пропадает слово *oraculum*, а вместе с ним и передаваемый этим термином смысл. Между тем оракул (от лат. *oro* – говорю, прошу) – распространенная в древности форма прорицания, осуществляемая от имени божества специальным жрецом-прорицателем по запросу верующих. И это сфера профессиональных обязанностей древних юристов.

Согласимся, что с учетом этого содержания становится гораздо понятнее изречение Ульпиана: «По заслугам нас назвали жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, не мнимой» [9, с. 82, 83].

Вместе с тем выхолащивание начального содержания присуще не только советским доктринальным источникам. Достаточно обратиться к работам немецких коллег, чье отношение к римскому праву характеризуется особым пиететом, и мы видим ту же картину.

К примеру, профессор Вильфрид Бергманн во «Введении к пониманию германского Гражданского уложения» пишет: «Государство, на которое возложена функция по созданию правил социального общения, в первую очередь должно упорядочить правоотношения между гражданами и государством. Это осуществляется посредством публичного права, которое в принципе является императивным правом и устанавливает допустимые пределы вмешательства государства в дела граждан, с одной стороны, и обязанности государства перед гражданами – с другой» [8, с. VIII].

Приведенная цитата является примером современного представления о том, что нужно понимать под термином «публичное право». Аналогичные подходы транслируются и в современной российской юридической литературе (об этом подробнее см., например, [6, с. 11–59]). Добавим, что в современных условиях конвергенции частного и публичного права актуализируется узкоприкладная задача формирования нормативной платформы устойчивого государственно-частного партнерства. По справедливому замечанию В. Г. Го-

лубцова, «именно формат государственно-частного партнерства, как представляется, является наиболее приемлемым вариантом “вмешательства” государства в экономику и наиболее перспективным вариантом закрепления фактического взаимодействия государственных и частных материальных ресурсов в рамках совместной инвестиционной и иной деятельности» [5, с. 180].

Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство современных юристов, пишущих о дуализме права, не имеют в виду под публичным правом урегулированные с помощью норм отношения между отдельными государствами и покровительствующими «богами». Никто не исследует правила авгурского контроля за ауспициями¹ магистратов, к примеру, и тому подобные странные вещи. Собственно говоря, никто уже и не помнит, какие блага считались божественными и зачем они были нужны. Вместе с тем в античном мире не только в Древнем Риме к числу божественных благ, опосредовано приобретаемых путем использования божественных установлений, относились: разумение или знание; здоровое состояние души; справедливость и мужество.

Человеческие блага считались производными, зависящими от соблюдения божественных предписаний, и к ним относились здоровье, красота, сила и богатство (об этом подробнее см. Законы Платона [19, с. 78]).

В этом есть принципиальное отличие юриспруденции Древнего мира и современности в понимании значения термина «право». Ни боги, ни результаты божественных откровений, полученные непосредственно или опосредованно через священнодействия и жрецов, ни содержание молитв, ни значение ритуалов и т. д. современное правоведение не интересуют. Произошла десакрализация юридического знания. Правоведение стало светским, экзотерическим, доступным непосвященному.

Юриспруденция Древнего Рима изначально была эзотерична и, естественно, имела специфический категориальный аппарат. Древний юрист разбирался в понятиях, среди которых современный правовед едва ли в найдет что-то знакомое. Для примера можно попробовать ра-

¹ Ауспиции – (лат. *Auspicium*) – гадание по полету священных птиц в древнем Риме.

the original variant was the word ‘*oraculum*’, which was lost in translation, and so was lost the message behind this word. Meanwhile, oracle (Lat. *oro* – speak, ask for) was a widespread ancient form of making prophetic predictions performed by auspices upon the request of believers. This was the professional responsibility of ancient Roman jurists.

Obviously, taking the above definition into account, one can much better understand Ulpian’s idea: ‘Of that art we [jurists] are deservedly called the priests. For we cultivate the virtue of justice and claim awareness of what is good and fair, discriminating between fair and unfair, distinguishing lawful from unlawful, aiming to make men good not only through fear of penalties but also indeed under allurements of rewards, and affecting a philosophy which, if I am not deceived, is genuine, not a sham’ [9, pp. 82-83].

It must be noted that not only Soviet doctrinal papers show emasculation of the idea. The same trend can be observed in the works of German jurists, although they have always treated the Roman law with a great respect.

For example, in his *Introduction to Understanding the Civil Code of Germany* prof. Dr. Wilfried Bergmann claims: ‘The state whose function is to develop the regulations on public communication must primarily regulate legal relationships between citizens and the government. This has been done through public law, which basically is an imperative norm of law and sets, on the one hand, the acceptable limits of interference by the government in civil affairs and, on the other hand, responsibilities of the government towards its citizens’ [8, p. VIII].

The above quotation is an illustration of modern classical interpretation of the term ‘public law’. Similar approaches can be seen in modern Russian legal literature (for further detail refer to [6, pp. 11–59]).

In addition, today, with private and public law being converging, it is essential to develop a regulatory framework for steady public-private partner-

ship. As fairly noted by V.G. Golubtsov, ‘public-private partnership appears to be the most appropriate form of the state’s ‘interference’ in economy and the most advantageous way to provide interaction of public and private material resources in the joint investment management and other kinds of activity’ [5, p. 180].

Nowadays the majority of jurists whose professional interest is legal duality do not interpret public law as relationships between separate governments and patronizing gods regulated by norms. Nobody makes a research into auspices¹ (augural speculation of omens) and thing like that. Apparently, nobody remembers what things were considered blessings and why people needed them. Meanwhile, in the ancient world, not only in Ancient Rome, such things as sensibility or knowledge, being in the right mind, fairness and courage were thought to be divine blessings acquired directly through the use of divine regulations.

There were also human blessings: health, beauty, power and wealth; these were considered secondary and dependent on following the divine instructions (for further details see *The Laws* by Plato [19, p. 78]).

And this is the principal difference between ancient Roman jurisprudence and modern law in terms of interpretation of the concept of law. Modern legal science is not at all interested in gods, the results of divine revelations obtained directly or indirectly through priests’ rituals, the content of payers, or the meaning of divine services. These categories are never taken into account by modern jurists. This is the result of desacralization of legal knowledge which has become secular, exoteric, and accessible to lay public.

Ancient Roman jurisprudence was originally esoteric and applied a set of respective concepts. An ancient jurist operated categories that would be unfamiliar to a modern law scientist: divine, sacred, sacral, spiritual, to name but a few.

¹ Auspice (from Latin *auspicium*) – observation by an augur of the flight and feeding of birds to discover omens.

зобратся в терминах «божественный», «сакральный», «священный», «святой», «религиозный». Ощутить разницу между прошлым и современным «понятийным оснащением» можно, попытавшись прокомментировать выдержку из книги второй «Институций» Гая, посвященной вещам и свойствам, где мы обнаруживаем указание на то, что к вещам божественного права относятся вещи священные и религиозные. А святыми вещами, «некоторым образом относящимися к вещам божественного права», являются, как это ни странно, «стены и врата города» [9, с. 142, 143], словно люди их не строили, а, к примеру, только наследовали.

Итак, публичное право – это не нормотворчество магистратов, сенатов или царей. Непосредственный источник публичного права – боги или соглашения с ними. Опосредованный вариант того же источника – жрецы, оракулы, пифии и т. п. Многим известна фраза, которую приписывают Юлию Цезарю при переходе через Рубкон: «Жребий брошен». Но вряд ли кто-то из современников всерьез сможет отнестись к информации о том, что гаданиями, в том числе и подбрасыванием монет, могла выявляться воля богов, нарушить которую не осмеливался даже Цезарь. Хотя гадание являлось одним из распространенных способов «консультации» с богами и еще относительно недавно являлось частью подлинной юридической (жреческой) «профессии».

«Узнав волю богов», Цезарь уже не мог поступить иначе. Поэтому публичное право есть область сверхъестественных начал – не доступных смертным. Боги – важнейший регулятор поведения древних. Потеря контакта с ними вела к серьезным трудностям, в том числе и в законотворчестве античных государств.

Подобными обстоятельствами, в частности, можно объяснить и ситуацию, возникшую в Риме после изгнания рексов. Лишившись царей, зачастую выступавших и в роли первосвященников, древние римляне, как известно из повествования Дигест, не смогли самостоятельно написать для себя законы и погрязли в правовом хаосе.

Для решения возникшей проблемы они были вынуждены избрать специальных должностных лиц – децемвиров и отправили их в Грецию, где источник божественных знаний, очевидно, еще не был утрачен: «По изгнанию

царей все эти законы в силу закона трибуна потеряли силу, и римский народ снова начал более пользоваться неопределенным правом и некоторым обычаем, чем изданными законами такое положение существовало около 20 лет (с 471 по 451 г. до н. э.). Затем, чтобы положить этому конец, государственной власти было угодно назначить децемвиров, с тем чтобы они обратились к греческим государствам за законом и на законах основали (римское) государство» [9, с. 88, 89, 90, 91]. Именно так появляются Законы XII таблиц (451–450 гг. до н. э.), вырезанные на досках из слоновой кости и размещенные перед Рострами (на Форуме).

Описание процесса создания древних законов для греческих городов – государств мы можем найти в «Диалогах» и «Законах» Платона. В частности, в «Миносе», ссылаясь на Гомера и Гесиода, Платон, вкладывая соответствующие сведения в уста Сократа, повествует о том, что лучшими законами древности у эллинов были законоположения Крита и Лакедемона, установленные Миносом: «...Крит, а также Лакедемон во все времена процветают – стоило им только начать пользоваться этими законами, ибо они божественны» [19, с. 400].

Минос, по Платону, был сыном Зевса и Европы. То есть имел внеземное, божественное, происхождение и, кроме того, каждые девять лет посещал жилище Зевса, обучался, общался со своим отцом и, говоря современным языком, отчитывался о проделанной работе. Эта же информация дублируется в книге первой «Законов» Платона [20, с. 71–78].

На Крите, по свидетельству Гомера, проживало большое количество людей и располагалось около девяти десятков древних городов. Поэтому вероятность того, что римские децемвиры, отправившись в Грецию за законами для Рима, могли взять за основу божественные законоположения Миноса, приводящие пользователей к неизменному процветанию и использовавшиеся в многочисленных греческих городах, достаточно высока. Во всяком случае самый успешный спартанский законодатель Ликург в свое время поступил именно так. Правда, в российской учебной и научной литературе считается, что в основе греческих заимствований лежит афинское законодательство Солона. Об этом пишет, к примеру, проф. Л. Л. Кофа-

An extract from the second book of the *Institutes* of Gaius, dealing with things and their properties, clearly demonstrates the difference between ancient and modern interpretation of the concepts. Gaius writes that the things of divine law include religious and sacred ones, among which he, oddly enough, enlists city walls and the gate [9, pp. 142, 143], as if people did not build but inherited them.

Thus, public law is neither the result of plebiscites or creation of regulatory acts by magistrates, senates or rulers. The immediate source of public law is gods and agreements with them. The secondary variant of the same source is priests, oracles, pythonesses, etc. There is a widely known saying ‘the die is cast’ attributed to Julius Caesar while he was crossing the Rubicon. It indicates that cleromancy was used to get the will of gods that nobody could violate, even Caesar. In terms of modern legal science this fact is difficult to take seriously, although divination used to be part of the legal ‘priestlike’ profession and a common way of taking gods’ advice not so long ago.

Having learnt the gods’ will, Caesar could not do otherwise. Public law is the area of the supernatural that is obscure to mere mortals. It was gods that regulated behaviors of ancient people, and the loss of contact with them could lead to serious problems including those concerning ancient law-making.

The same circumstances could help to explain the situation ancient Rome found itself in after the exile of rexes. According to the *Digest*, without rulers, who often served as chief priests, the ancient Romans appeared to be unable to create laws and got stuck in a legal quagmire.

In order to solve the problem, they had to elect special commission of so called decemvirs to be sent to Greece for the source of divine knowledge. ‘Then, when the kings were thrown

out under a Tribunician enactment, these statutes all fell too, and for a second time, the Roman people set about working with vague ideas of right and with customs of a sort rather than with legislation, and they put up with that for nearly twenty years. After that, to put an end to this state of affairs, it was decided that there be appointed, on the authority of the people, a commission of ten men by whom were to be studied the laws of the Greek city states and by whom their own city was to be endowed with laws’, reads the *Digest* [9, pp. 88–91]. This is how the *Law of the Twelve Tables* (451–450 BC), carved on ivory and placed in the forum, appeared.

The process of the creation of ancient laws for Greek city-states is described in the *Dialogues* and the *Laws* by Plato. In the dialogue *Minos* Socrates, referring to Homer and Hesiod, claims that the best laws ancient Greeks had were the ones of Crete and Lacedaemon set by king Minos. ‘Wherefore he ordained for his people these very laws, which have made Crete happy through the length of time, and Sparta happy also’, says Socrates [19, p. 400].

According to Plato, Minos was the son of Zeus and Europa, so he was of divine origin; and every nine years he visited his father and received instruction from Zeus concerning the legislation which he gave to the island. The same information is provided in the first book of the *Laws* by Plato [20, pp. 71–78].

According to Homer, the population of Crete was quite large and there were about ninety ancient cities. That is why when going to Greece for laws the Roman decemvirs were highly likely to take Minos’s divine legal provisions as they were successfully used in many Greek cities and resulted in prosperity of those who practiced them. At least, the most successful Spartan law maker Lycurgus did so in his time. However, in Russian academic and study books it is generally accepted that Greek laws were based on Solon’s legislation.

нов [13, с. 13]. Вместе с тем, учитывая судьбу самого Солона и последствия реформ¹, выбор его законов в качестве образца для подражания вряд ли мог иметь твердое логическое обоснование.

Справедливости ради необходимо заметить, что по мере изучения литературных источников начинает возникать подозрение на предмет того, что и в самой Греции возможность получения непосредственных божественных откровений во времена консультаций по поводу составления Законов XII таблиц, скорее всего, была уже утрачена или существенно затруднена. Судите сами. Именно в этот период, по свидетельству Плутарха, происходит переход от философии Пифагора и Эмпедокла (богатой ссылкой «...на божье волеизъявление, на сны, видения ...») к поиску истины посредством чистых, незамутненных потусторонними вмешательствами, человеческих рассуждений. Зачинателем этого процесса Плутарх называет Сократа, который, по его словам, обещал научить всех «доброму посредством рассуждений». И хотя этот революционный методологический демарш стоил Сократу жизни, обвиненному, как известно, судом афинян в отказе от богов, драматизм и парадоксальность ситуации заключаются в другом.

Отказ от постижения божественных начал и непоколебимая приверженность Сократа новому способу получения знаний – «путем рассуждений» и пренебрежение «преисполненной мифами, призраками и суевериями» философией Пифагора и Эмпедокла в итоге выглядят достаточно странными, поскольку сам он всю жизнь, по свидетельству современников, пользовался услугами демона², который «в делах неясных и недоступных человеческому разумению... часто вступал в собеседование с Сократом, сообщая божественное участие его намерениям» [21, с. 491].

¹ Как известно, реформами Солона были недовольны как афинская знать, так и демос. Законы Солона просуществовали около 30 лет, после чего были отменены.

² См. об этом подробнее трактаты и диалоги Плутарха, например «О демоне Сократа». В этом произведении, в частности, со ссылкой на Гесиода автор приводит определение демона: «Боги украшают жизнь только немногих людей, тех, кого они пожелают сделать поистине блаженными и сопричастными божественности; а их души, освобожденные от рождения и не связанные с телом, как бы обретшие полную свободу, становятся демонами — хранителями людей».

Стоит отметить, что Платон, являясь учеником Сократа и будущим учителем Аристотеля, не последовал этим установкам и продолжал искать знания «традиционными» методами древних. К примеру, Платон после смерти Сократа в поисках мудрости совершает путешествие в Египет, где в течение 13 лет просвещается в жреческих святилищах Мемфиса и Гелиополиса (об этом подробнее см., например, [22, с. 46–55]).

В более долгосрочной перспективе замена управляющего божественного начала все же происходит, и уже на примере Александра Македонского – ученика Аристотеля мы видим победивший сократовский посыл, выразившийся в полном пренебрежении к традициям и авторитету прорицателей³.

Итак, древние римские юристы первоначально являлись жрецами, образовывали коллегии понтификов и монополюно владели правом контактировать с богами и комментировать божественные установления. Поэтому римское *jus publicum* есть право, установленное богами, или соглашением с богами, а не отрасль самостоятельно написанного права людей. В этом понимании писаными источниками публичного права скорее можно считать Ветхий и Новый Заветы, Коран, Скрижали Гермеса Трисмегиста и др. Публичное право в его истинном понимании есть сфера скорее не правовых, а морально-нравственных категорий (справедливость, мужество, добро).

Современное право, в том числе и то, которое мы привыкли называть правом публичным, есть право людское, представляющее собою итог референдумов, работы парламентов, законодательных собраний и т. п. Это варианты внутрисистемного самостоятельного управления, тогда как публичное право древности есть вариант внешнего, внесистемного, сверхъестественного начала.

Именно поэтому публичное право в его исконном понимании нельзя менять по воле людей (*jus publicum privatorum pactis mitari non potest*), ибо люди являются субъектами законо-

³ Имеется в виду предание о дельфийской пифии, к которой Александр Македонский применил силу не только для получения пророчества в неустановленное время, но и, фактически, заставил произнести вместо реального пророчества лишь то, что он хотел услышать.

Prof. L. L. Kofanov, for instance, mentions this fact in his works [13, p. 13]. Meanwhile, taking into account Solon's life and the consequences of his reforms¹, it is quite illogical to take these as an example to follow.

In all fairness, it must be noted that a deeper studying of sources allows for an assumption that during the time when Roman decemvirs came to Greece to consult on the *Law of the Twelve Tables*, the country might have already lost or experienced difficulties in getting direct divine revelations. According to Plutarch, it was the period of transition from philosophy of Pythagoras and Empedocles that had plenty of references to the will of gods, dreams or other divine things to the search for the truth through clear reasoning without any spiritual interference. In Plutarch's opinion, Socrates was the one to start this trend and promise to teach everyone the goodness by considerations. It is a widely-known fact that for his ideas, being revolutionary for those times, Socrates was accused of impiety (not believing in the gods) and as a punishment sentenced to death.

Paradoxically, despite his rejection of gaining insight into the divine, his unwavering commitment to acquiring knowledge through reasoning and neglect of superstitious philosophy of Pythagoras and Empedocles, throughout all his life he sought advice of the daimonion² that often contacted Socrates and provided a divine support for his intentions [21, p. 491].

¹ Solon's reforms are known to be disliked by both the aristoi of Athens and demos. Solon's legislation had been in use for about 30 years until it was repealed.

² For further information see treatises and dialogues by Plutarch, e.g. *On the Daimonion of Socrates*. In this work, with the reference to Hesiod, the author provides the definition of daimonion: 'Gods embellish lives of only a few people, only of those who they really want to make blessed and privy to the divine; the souls of these people freed from being born and not connected to bodies, as though they have broken free, become daimonions – human keepers'.

It has to be noted that Plato, being a student of Socrates and a teacher of Aristotle in subsequent years, did not follow these principles and kept seeking knowledge using traditional methods of the ancient. For example, after Socrates's death, in the pursue of wisdom Plato travelled to Egypt where he spent thirteen years in shrines of Memphis and Heliopolis to gain the divine knowledge (for further information see [22, pp. 46–55]).

However, in the long term the substitution of the ruling divinity takes place. It can be traced through the example of Alexander the Great, who was a student of Aristotle and who did not follow the message of Socrates and fully ignored the traditions and authority of diviners³.

Thus, ancient Roman jurists originally were priests, they formed the Colleges of Pontiffs and exclusively enjoyed the right to contact gods and interpret divine signals. That is why Roman 'jus publicum' is the law established by gods or by the agreement with the gods but not branches of law independently written by people. In this sense, written sources of public law can be rather considered the Old Testament, the New Testament, the Quran, the Emerald Tablet by Hermes Trismegistus, etc. Public law in its true understanding is a sphere of moral categories (courage, fairness, kindness, etc.) rather than legal ones.

Modern law, including the law that we commonly name public, is the law of people, the outcomes of referendums, the result of the work carried out by the parliaments, legislative assemblies and so on. Those are the forms of internal self-administration, while ancient public law is the form of external, supernatural outer administration.

That is why public law in its original interpretation must not be altered by the will of people (*jus publicum privatorum pactis mitari non potest*) since people are low-order lawmakers. It appears

³ It refers to the legend of the Pythia of Delphi in which Alexander the Great used the force not only to get a prediction at inappropriate time but actually made the Pythia articulate not the real prediction but what he expected to hear.

творческой деятельности низшего порядка. Представляется, что именно из этого значения вытекают религиозный догматизм и строгие запреты на изменение источников публичного права, к примеру Корана. И у философов древности мы находим подтверждение и объяснение этому. Так, Платон в книге первой «Законов» пишет: «... в особенности превосходит один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что в законах хорошо и что нет, и повелевающий всем единогласно и вполне единодушно соглашаться с тем, что в законах все хорошо, ибо они установлены богами...» [20, с. 82].

Этот принцип работает и сейчас, будучи перенесенным по аналогии на внутрисистемные вертикальные отношения. Нельзя, к примеру, подзаконным нормативным актом или договором отменить, изменить или дополнить федеральный закон. Во внутрисистемных, горизонтальных взаимодействиях работает диаметрально противоположное по смыслу положение – специальная, частная норма отменяет (вытесняет) общий закон (*lex specialis derogat generali*).

По мере ослабления связи, а потом, очевидно, и в результате полной утраты способности добиваться контакта с богами и доносить их мнения меняется и положение юристов в древнем обществе. В Риме этот процесс начинается примерно через сто лет после создания законов XII таблиц и связан с именем писца Гнея Флавия, сына вольноотпущенника, передавшего народу похищенную у коллегии понтификов книгу, представлявшую собой собрание форм отдельных категорий исков. И уже после этого сокращенная область профессиональных компетенций древних юристов стала похожа на современную юриспруденцию и свелась к трем основным задачам:

- *agere* – консультации по вопросам ведения судебных процессов;
- *cavere* – составление юридических актов (сделок, завещаний и других документов);
- *respondere* – ответы на вопросы магистратов, судей и отдельных частных лиц (об этом подробнее см. [10, с. 21–22]).

Власть понтификов закончилась, ибо «не является властью то, что могут все или многие» [46, S. 210, 211] и, как справедливо замечает О.С. Иоффе, к концу IV века до н.э. монополь-

ное господство в области права коллегии понтификов уступает место вытеснившей его светской юриспруденции [10, с. 19]. Произошли не только десакрализация, но и сужение предметной области юриспруденции.

Располагая в гомологическом ряду законодателей от древности до наших дней, мы получаем логическую цепочку лиц, первоначально обладавших и постепенно утрачивающих сокровенное божественное начало: боги, сыны божьи, жрецы (посредники между богами и людьми), юристы-философы, мудрецы, наместники богов, помазанники божьи (императоры, государи, базилиевсы, цари и т. д.), ... современные парламентарии, сенаторы.

В конце списка «законотворцы» окончательно утрачивают представление о справедливости и уже не претендуют на божественную составляющую и истину в человеческих делах, о чем красноречиво свидетельствует современное российское законодательство. Оценивая отечественные законы всего лишь по одному качеству – частоте изменений, выводы об утраченных истинах напрашиваются сами собой.

Если право – это «доброта, справедливость и истина», то законы не могут так часто меняться. Истина неизменна. Она либо есть, либо нет. Именно по этой причине, по причине утраты сакральных начал, появляются «законодательная инфляция», «теневое право», «правовой нигилизм», «неправо», «девальвация права» и тому подобные явления, неизвестные ранним формам юриспруденции, а президент страны начинает говорить о верховенстве божественной власти (о проблемах эффективности правового регулирования в современной России (подробнее см., например, [3, с. 16–22; 4, с. 414–432]).

Надо сказать, что проблема потери метафизических, эзотерических основ права еще долгое время волновала юристов, вызывая к жизни исследования, касающиеся поиска новых источников, таких как чувство права, свободного правоведения, правосознания, правового убеждения, правового инстинкта, правовой интуиции и др.

Действительно, чем дальше от справедливости («божественной» составляющей) или объективной истины принимаемые законы, тем чаще они подвергаются корректировкам. И ши-

legal domination of colleges of Pontiffs had been substituted by secular jurisprudence by the end of the 4th century AD [10, p. 19]. Not only did desacralization happen but narrowing of the subject area of legal science.

If we make up a homologous series of law-makers from ancient times until the present day, we will get a number of individuals who initially having a divine spark gradually lost it. This list includes gods, sons of gods, priests (mediators between the gods and people), philosophers, the wise, vicars of gods, the anointed of the Lord (emperors, monarchs, basileis, tsars, etc.), ... modern parliamentarians, senators.

Those at the end of the list have completely lost the idea of fairness and do not claim to be presenting the divine presence and truth in human actions, modern Russian legislation illustrating the point. Given the frequency with which Russian laws are altered, one can clearly estimate the scale of the lost.

If the law is kindness, fairness and truth, legislation cannot have such frequent alterations. Truth is constant, it either exists or not. It is the loss of sacred origins that resulted in such phenomena, unknown to earlier forms of legal science, as so-called legislative inflation, shadow law, legal nihilism, non-law, devaluation of law, etc.; it is the loss of sacred origins that lead to the president of the country speaking about the supremacy of the divine power (for the problems of effective legal regulation in modern Russia see [3, pp. 16–22; 4, pp. 414–432]).

It must be mentioned that the problem of the loss of metaphysical esoteric bases of law has been concerning lawyers for a long time, bringing about studies on the search for new conceptions such as sense of entitlement, free legal science, legal consciousness, legal belief, legal instinct, legal intuition, etc.

Obviously, the further the laws are from fairness (the divine component) or eternal truth, the more frequently they are subject to alterations.

that this interpretation gave rise to religious dogmatism and strict prohibitions on the alterations of public law sources, for example, the Quran. Explanations for that are also given by ancient philosophers. For example, Plato in his first book of the *Laws* writes: ‘... one of the best of them will be the law forbidding any young men to enquire which of them are right or wrong; but with one mouth and one voice they must all agree that the laws are all good, for they came from God’ [20, p. 82].

This principle does work now being analogically transferred to internal vertical relationships. It can be proved by the fact that one cannot use subordinate legislation in order to reverse, alter or make an amendment to a federal law. In terms of internal horizontal relationships, a diametrically opposite principle works: a particular local act reverses the general law (*lex specialis derogat generali*).

As the connection with gods weakened and finally got completely lost, as did the ability to transfer the divine will, the status of jurists in ancient society changed too. In Rome this process started 100 years after the creation of the *Law of the Twelve Tables* and is closely connected with the name of the secretary Gnaeus Flavius, a son of a freedman, who gave the public the book stolen from the College of Pontiffs that contained an account of legal procedures. And after that the sphere of activity of ancient jurists narrowed, got similar to modern legal science and acquired three major tasks:

- *agere* – consultancy on the conduct of the proceedings;
- *cavere* - drawing up legal documents (contracts, wills, etc.)
- *respondere* – responses to the questions of magistrates, judges and individuals (for further details see [10, pp. 21–22]).

Pontiffs’ power came to an end as ‘it is not power that is given to all or many’ [46, pp. 210–211]. As O. S. Ioffe correctly points out, exclusive

роко известное изречение Ф. Энгельса о римском праве лишь подтверждает этот вывод: «Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него ни каких существенных улучшений» [26, с. 412].

Как представляется, в современных научных исследованиях, посвящаемых публичному праву, должны найти свое место не только привычные, но и «забытые» в «юс натуралистическом» (естественно-правовом) типе правопонимания объекты, выведенные сегодня за рамки юридической науки. В результате подобной смены исследовательской парадигмы вполне может стать, что изучение мистерий и религиозных текстов Древнего Египта явится более коротким путем к познанию рецепта эффективного правотворчества, чем прочтение тысячи трудов юристов.

В заключение раздела о публичном праве хотелось бы заметить, что в российской науке (не только юриспруденции) практически отсутствуют исследования, посвященные реальному предмету древнего публичного права – магической, божественной, сакральной, ритуальной составляющей функциональной нагрузки древних юристов (понтификов, авгуров, фециалов и т. д.). Среди редких исключений, так или иначе затрагивающих эту проблематику из современных, можно назвать разве что работы проф. Л. Л. Кофанова и проф. А. М. Смorchкова (см., например, [24, с. 157–171]).

Из дореволюционных авторов назовем проф. И. А. Покровского, в работах которого можем обнаружить упоминания и о «божеском праве» (*jus divinum*), и о священном (божественном) праве (*jus sacrum*), и о содержании и реальном значении категорий публичного права. Вызывает интерес следующее высказывание И. А. Покровского: «...область публичного права, область дел политических, не была свободна от разнообразных сакральных влияний. Наибольшее значение имел здесь институт *auspicia*, то есть религиозные гадания. Перед началом всякого сколько-нибудь значительного акта как каждый 19 отдельный гражданин, так и все государство в лице своих властей

предварительно старались узнать волю богов: благоприятствует ли она предполагаемому предприятию (созываемому народному собранию и т. п.) или нет. Средствами для познания этой воли богов были небесные знамения, поведение священных птиц и т. д. Но толкование этих признаков требовало опять-таки известных специальных знаний, и эти знания сохранялись и поддерживались в другой жреческой коллегии – авгуров. Подобно тому, как понтифики имели большое значение для вопросов гражданского права, так коллегия авгуров имела большой вес в области публичного права и в вопросах политики: объявив наблюдаемые предзнаменования неблагоприятными, авгуры могли затормозить любое государственное начинание» [23, с. 18–19].

Как мы видим, у И. А. Покровского еще не пропал религиозный подтекст в оценке содержания публичного права, которое также оценивается им как деятельность, фактически, политическая.

Действительно, необходимо сказать, что термин «публичный» был, как и многие другие юридические категории, многозначным и употреблялся в Дигестах и в иных значениях, что вполне могло повлиять на возникновение и формирование существующей путаницы со значениями римских понятий.

В частности, употребление слова «публичный» по тексту Дигест Юстиниана мы можем встретить, как минимум, еще в трех значениях: как элемент права публичного; как элемент права народов; как элемент гражданского права. В первом случае «публичное» означает общее для всех и относится к положению государства во взаимоотношениях с богами [9, с. 83, 84].

Во втором случае слово «публичный» есть синоним слова «общий» или словосочетания «ничей конкретно», «принадлежит совокупности или не принадлежит никому». Например, «пользование берегами является публичным на основании права народов, равно как пользование и самой рекой» [9, с. 144, 145]. Применительно к гражданскому праву термин «публичный» мог использоваться как «принадлежащий совокупности, а не отдельным лицам, например, находящимся в гражданских общинах театры, стадионы и т. п.» [9, с. 144, 145].

The well-known statement by F. Engels about Roman law is the confirmation of the above conclusion. According to that, Roman law legally expresses living conditions and conflicts in the society dominated by private property in such a classical way that no later legislation could improve it in the least [26, p. 412].

Apparently, current public law studies must consider the subjects that have been forgotten and are beyond the frames of the modern legal science in terms of *jus naturale* legal consciousness. As a result of such a shift in the research paradigm, the study of religious ceremonies and texts of ancient Egypt may be found to be a shorter and more effective way to discovering the secret of efficient lawmaking than studying hundreds of legal papers.

In conclusion of the section concerning public law, it must be mentioned that Russian science, and not only legal one, lacks research on the real subject of ancient public law, which is the mystical, divine, sacred, religious component of responsibilities of ancient jurists (Pontiffs, augurs, Fetiales, etc.). Among the rare exceptions one can name Prof. L. L. Kofanov and Prof. Smorchkov who addressed this issue in some way in their papers (for further detail see [24, pp. 157–171]).

Among pre-revolutionary studies, works by Prof. I. A. Pokrovsky stand out. In his papers, Pokrovsky mentioned divine law (*jus divinum*), sacred law (*jus sacrum*), and the content and actual meaning of public law categories. His attitude to this issue is rather interesting. According to I. A. Pokrovsky, ‘the sphere of public law as a sphere of political issues was not free from various sacral influences. The institute of *auspicia* i.e. the institute of astral divinations was of great importance. Before any important event every 19th citizen, as well as the whole state represented by the

authorities, tried to get the will of the gods whether the event (e.g. a public gathering) was expected to be favorable or not. The means of getting the divine will were signs of heavens, behaviors of sacred birds, etc. But in order to interpret these signs one had to have particular knowledge which was kept and cherished by a special priest group - augurs. Those were of great importance and respect in terms of public law and political issues, as well as Pontiffs were. Augurs were able to stop any state initiative by declaring the signs observed unfavorable’ [23, pp. 18–19].

As can be seen from the above quotation, I. A. Pokrovsky estimated the content of public law with religious undertones, interpreting it as a political activity.

In fact, it must be said that the term ‘public’, like many other legal concepts, used to be multivalent and it was mentioned in the *Digest* with other meanings, which was likely to give rise to the current confusion about the interpretations that ancient Roman concepts had.

In particular, the word ‘public’ in the *Digest* of Justinian is used in at least three different meanings: as an element of public law, as an element of law of nations, and as an element of *jus civile*. The first one means common to all and refers to the position of the state in the relationships with the divine [9, pp. 83–84].

In the second case, the word ‘public’ is synonymous to ‘belonging to all’, ‘being nobody’s in particular’. For example, ‘the use of river banks is public by the *jus gentium*, just as much as that of the river itself’ [9, pp. 144–145]. Concerning *jus civile*, the term ‘public’ could have been used meaning ‘which belongs to a collective body and not to individuals we may take for examples theatres, racecourses and the like in cities, or any other property which in any case belongs to the city at large’ [9, pp. 144–145].

Понятие частного права в Дигестах Юстиниана

Наполняя конкретным содержанием термин «публичное право», Домиций Ульпиан сделал то же самое и с остальными элементами своей знаменитой классификации. Понятие частного права, к примеру, представлено им как совокупность трех элементов и это: право естественное (*jus naturale*); право народов (*jus gentium*); право гражданское (*jus civile*).

Теперь скажем о каждом из этих элементов. Естественное право, или право природы, представлено в Дигестах как общие правила или законы для всего живого. «Естественное право – это то, которому природа научила все живое». И ему, этому виду права, уточняет Ульпиан, подчиняются все: рыбы, птицы, звери... и, естественно, люди. «Сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права» [9, с. 82, 83].

«Право народов – это то, которым пользуются народы человечества». И, далее по тексту, Дигесты содержат очень интересную фразу, заставляющую опять корректировать наши представления о центральных понятиях современного гражданского права: «Гражданское право не отделяется всецело от естественного права или от права народов и не во всем придерживается его; если мы что-либо прибавляем к общему праву или что-нибудь из него исключением, то мы создаем собственное т. е. гражданское право. Это наше право состоит или из писанного (права), или из неписанного...» [9, с. 82, 83].

Заметим, что в этой части Дигест термин «гражданское право» употреблен как синоним всего национального права, созданного людьми отдельного, независимого государства. Гражданское право – это любое законодательство страны.

Далее сравним эти исходные данные с тем, что современная¹ юриспруденция понимает под термином «частное право».

¹ Под термином «современный» (по отношению к древнему миру) в данном случае понимается временной отрезок, состоящий из трех периодов развития отечественных представлений о частном праве: дореволюционный (пер-

Определение частного права в трудах дореволюционных российских цивилистов

Д. И. Мейер

Обратиться к позиции Дмитрия Ивановича Мейера необходимо и важно по ряду причин, среди которых не только заслуженное признание его как «отца русского гражданского права», но и красноречивые факты его биографии, которые приводит проф. П. В. Крашенинников во вступительной статье «Дмитрий Иванович Мейер – отец русского гражданского права» к «Русскому гражданскому праву» Мейера, переизданному в 2019 г. издательством «Статут»: «Окончив институт (1841) с золотой медалью, “по плану Сперанского” он едет на стажировку в Германию, в Берлинский университет. Прекрасно владея языками, Дмитрий Иванович изучает гражданское право Германии, Франции, Австрии и, конечно же, римское право. Слушает лекции и наставления немецких профессоров, из которых, безусловно, стоит выделить и “великого учителя римского права” Фридриха Карла фон Савиньи, а также его последователя Георга Пухта. Наряду с юридическими науками также изучал философию и историю» [17, с. 5].

Таким образом, Д. И. Мейер учился у самых выдающихся пандектистов и знатоков римского права своего времени и, естественно, не избежал их влияния. В свою очередь, позиция Мейера по этому вопросу фактически сформировала отечественную цивилистическую традицию и определила понимание «частного права» во всей последующей отечественной юридической литературе. Представляет научный интерес позиция Д. И. Мейера относительно того, что следует понимать под частным правом. Деление римского права, по Мейеру, совершенно не соответствует классификации, описанной Домицием Ульпианом. «Римские юристы, – пишет отец русского гражданского права, – всю систему права (*jus civile*) разделяли на право публичное (*jus publicum*), частное (*jus privatum*) и священное (*jus sacrum*)... С уничтожением язычества *jus sacrum*, относившееся к языческому богослужению, было совершенно опущено из системы права и остановились на двучленном делении его на *jus*

вая половина XIX в. – 1917 г.), советский (1917–1991) и постсоветский (1991 г. – по настоящее время).

The Concept of Private Law in the *Digest* of Justinian

Ulpian gave a precise content to the term ‘public law’ and also to other elements of his famous classification. The concept of private law is presented as the combination of the following components: natural law (*jus naturale*), law of nations (*jus gentium*), and *jus civile*.

Further each of the elements will be considered in detail. Natural law in the *Digest* is represented as general regulations or laws for all living things. ‘Natural law is that which all animals have been taught by nature; this law is not peculiar to the human species, it is common to all animals which are produced on land or sea, and to fowls of the air as well,’ – states Ulpian specifying that all creatures obey this law. ‘From it comes the union of man and woman called by us matrimony, and there with the procreation and rearing of children; we find in fact that animals in general, the very wild beasts, are marked by acquaintance with this law’ [9, pp. 82; 83].

‘Jus gentium is the law used by the various tribes of mankind,’ – writes Ulpian, and further in the text there is a very interesting statement making the reader reconsider the fundamental principles of modern civil law. According to the author of the *Digest*, ‘The civil law is something which on the one hand is not altogether independent of natural law or *jus gentium*, and on the other is not in every respect subordinate to it; so that when we make addition to or deduction from universal law (*jus commune*), we establish a law of our own, that is, civil law. Now this law of ours is either ascertained by writing or without writing’ [9, pp. 82–83].

It means that in this section of the *Digest* the term civil law is used as a synonym of national law created by people of a separate independent state. Thus, civil law is any legislation of the country.

Now the above ideas must be compared with the modern¹ legal science interpretation of private law.

¹ ‘Modern’ (in contrast to the ancient world) in the given context means the period of time consisting of three ages in the development of ideas about private law in Russia: pre-revolutionary (the first half of the 19th century until 1917),

Definition of Private Law in the Papers by Pre-Revolutionary Russian Specialists in Civil Law

D. I. Meyer

The position of D. I. Meyer must be considered first for several reasons. Primarily it is his title of the father of Russian civil law as well as salient facts from his biography provided by Prof. P. V. Krashenninikov in his introduction to Meyer’s book *Russian Civil Law*, which was reprinted in 2019 by the publishing house ‘Statut’. Having graduated from the institute with a gold medal, Meyer went to Germany for internship at the University of Berlin. Being fluent in foreign languages, Meyer studied civil law of Germany, France, Austria, and certainly Roman law. He also attended lectures by German professors, including the greatest expert in Roman law Friedrich Carl von Savigny and his follower Georg Friedrich Puchta. Along with legal sciences Meyer studied philosophy and history [17, p. 5].

Thus, D. I. Meyer was a student of the most prominent Pandectists and Roman law experts of those times and was definitely under the influence of their views. Meyer’s attitude toward the issue in question, in its turn, actually formed the Russian civil tradition and determined the understanding of private law in all the subsequent Russian legal literature. It is the Meyer’s interpretation of private law that is of peculiar academic interest. Meyer’s division of Roman law completely disagrees with the classification provided by Ulpian. ‘Roman jurists divided all the system of law (*jus civile*) into public law (*jus publicum*), private law (*jus privatum*), and sacred law (*jus sacrum*). When paganism was wiped out, *jus sacrum*, as relating to pagan services, was removed from the legal system, which started to include only two components: *jus*

Soviet (1917–1991), and post-Soviet (1991 until the present day).

publicum и *jus privatum*. С разрушением власти римской на Западе утратило там значение и *jus publicum*. Но *jus privatum* сохранило силу в новых государствах Западной Европы и получило также название *jus civile* – название, означавшее, прежде всего, всю систему римского права» [17, с. 48, 49].

Таким образом, по мнению Д. И. Мейера, «цивильное право» есть самое объемное по содержанию понятие римского права, которое изначально объединяло и публичное, и частное, и сакральное. А впоследствии, в результате отбрасывания за ненадобностью отдельных его частей, превратилось в право частное. Цивильное право есть право частное. Именно эта позиция со времен Мейера транслируется в большинстве российских доктринальных источников до настоящего времени. Но если сравнить приведенную цитату с текстом Дигест, то «римское» деление права, по Мейеру, абсолютно не совпадает с тем, что там написано.

В Дигестах цивильное право упоминается как факультативная, дополняющая часть правовой системы, в основе своей состоящей из частей неподвластных коррекции со стороны людей – публичного и естественного права, а также наднациональных образований – общих для всех людей (права народов). Все указанные элементы странным образом либо ставятся Мейером в зависимость от национального законодательства (публичное и сакральное право у него являются составляющими частями цивильного права), либо не принимаются в расчет и даже не упоминаются. Такими не употребленными частями выступили у Д. И. Мейера право естественное и право народов.

К сожалению, Д. И. Мейер не оставил комментария к приведенной им классификации и не сослался на конкретный древнеримский источник, поэтому нам остается только недоумевать по поводу явного несоответствия этой позиции всему тому, о чем писали Ульпиан, Гермогениан, Папиниан и другие римские юристы в своих сочинениях, выдержки из которых вошли в Дигесты Юстиниана.

Тем не менее повторим это еще раз, что именно формула Д. И. Мейера «цивильное право есть право частное» нашла свое отражение в отечественном правоведении и в той или иной интерпретации присутствует в подавляющем большинстве современных постсоветских цивилистических источников.

И. А. Покровский

В отличие от Д. И. Мейера, пожалуй, второй по значимости знаток римского права в отечественном дореволюционном правоведении – Иосиф Александрович Покровский не раскрывал понятие «частное право» и не включал этот термин в какие-либо классификации. Вместе с тем на страницах одной из самых значимых своих работ, посвященных римскому праву («История римского права», 1917), он указывал на то, что цивильное право есть синоним права квинитского (*jus Quiritum*), т. е. система норм права исключительно «национально-римских», распространяющих свое действие только на граждан Рима – квинитов. Это утверждение позднее найдет поддержку в советских учебных изданиях и не раз будет воспроизведено проф. И. Б. Новицким в его неоднократно переизданных «Римском праве» и «Основах римского гражданского права».

Определение же цивильного права давалось проф. Покровским такое: «это есть совокупность норм, изданных законодательной властью и абсолютно обязательных как для граждан, так и для магистратов, и притом обязательных навсегда – до отмены».

Вторая составляющая системы римского (частного) права, по И. А. Покровскому, – преторское право (*jus honorarium*). Оно, напротив, есть «совокупность норм, изданных административной властью, действительных *de jure* только на один год и для самих органов этой власти только относительно обязательных (а до *lex Cornelia* – и вовсе необязательных)» [23, с. 54].

Описанное двухчленное деление римского права, по мнению И. А. Покровского, дополняется в период республики третьим элементом – правом народов (*jus gentium*). Но эти составные элементы далеко не равнозначны: «Как *jus civile*, так и *jus honorarium* простирались только на римских граждан, на *cives Romani*. Но во второй половине существования Римской республики, когда Рим делается центром всемирной торговли, туда стекаются массы неграждан, паломников. Завязываются разнообразные деловые отношения с этими паломниками и между этими паломниками. Вместе с этим возникает потребность нормировать эти отношения. И вот римляне создают для них особую магист-

publicum and *jus privatum*. As Rome lost its power in the west, *jus publicum* lost its importance there too. *Jus privatum*, however, kept its significance in new Western European countries and received the title *jus civile*, the name which, above all, meant the whole system of Roman law' [17, pp. 48-49].

Thus, according to Meyer, *jus civile* in its content is the most extensional concept of Roman law which originally included public, private, and sacred law and historically turned into private law as its other components lost their meaning. *Jus civile* being private law is the viewpoint that has been represented in most Russian doctrinal papers since Meyer's times. However, comparing the above quotation with the text of the *Digest* one can see that Meyer's division of Roman law is completely different from the original.

In the *Digest* *jus civile* refers to a supplementary part of the legal system consisting of public and natural laws, elements not subject to correction by people, and also *jus gentium* - supranational institutions general for all people. According to Meyer, all these elements are either dependent on national legislation or not taken into account at all and not even mentioned. Meanwhile, public and sacred laws are in his view the components of *jus civile*. The components Meyer did not mention were natural law and law of nations.

Unfortunately, Meyer neither left any comments on his classification nor provided any reference to a particular ancient Roman source. Therefore, modern legal scientists have nothing to do but be surprised by his viewpoint and its mismatch with the ideas of Ulpian, Hermogenian, Papinian, and other Roman jurists whose records were included into the *Digest* of Justinian.

Nevertheless, it is the Meyer's idea 'jus civile is private law' that has been reflected in Russian legal science and in this or that way is found in the majority of modern post-Soviet papers on civil law.

I. A. Pokrovsky

I. A. Pokrovsky appears to be the second major expert on Roman law in pre-revolutionary legal science. Unlike D.I. Meyer, he did not try to define the term 'private law' or include it into any classifications. In one of his most outstanding papers on Roman law *The History of Roman Law* (1917) he stated that *jus civile* was synonymous to quiritarian law (*jus Quiritum*), which is the system of exclusively national Roman legal norms covering only Roman citizens, quiriti. Later this statement was repeatedly used in Soviet textbooks and quoted by I.B. Novitsky in numerous editions of his *Roman Law* and *The Fundamentals of Roman Civil Law*.

As for the definition of *jus civile*, prof. Pokrovsky defined it as 'a set of norms issued by the legislative power that are absolutely obligatory for both citizens and magistrates and must be obeyed until cancelled'.

The other part of Roman (private) law system, according to Pokrovsky, is praetorian law (*jus honorarium*), which, on the contrary, is a set of norms issued by administrative power that are valid for one year and are relatively obligatory for the authorities (and not at all obligatory before *lex Cornelia*) [23, p. 54].

According to Pokrovsky, during the period of republic the described division of Roman law into two parts was supplemented with the third element, which is the law of nations (*jus gentium*). However, all these parts are not equally weighted. *Jus civile*, as well as *jus honorarium*, covered only Roman citizens, *cives Romani*. However, during the period of Roman Republic, when the city became the center of world trade, it also attracted crowds of non-citizens, peregrins, who started various business relationship with Romans and with each other. Obviously, these relationships required regulation. In order to provide it, a special magistrate

ратуру – *praetor peregrinus*. *Jus gentium* было лабораторией, в которой перерабатывались разнообразные нормы различных народов античного мира, сталкивавшиеся между собой на международном рынке, в одно интернациональное целое для того, чтобы затем переработать и самое римское право в духе той же интернациональности. Само собою разумеется, что *jus gentium* в только что указанном втором значении и *jus naturale* являются не какой-либо новой положительной системой норм наравне с *jus civile*, *jus honorarium* и *jus gentium* в обороте перегринов, а лишь первыми попытками юридической мысли в области философии права» [23, с. 55, 56].

Как видим, И. А. Покровский считал право народов «лабораторией», экспериментом и результатом переработки античных правовых норм различных государств в единое интернациональное целое. Фактически оно представлено И. А. Покровским как гражданское римское право, адаптированное к внешним условиям и применяющее свои установления к новым субъектам – перегринам.

Что касается «естественного права», то оно выведено за рамки юридической практики и помещено в область первых теоретических опытов юриспруденции в области философии права. Такова позиция И. А. Покровского.

В общих чертах, как мы видим, он придерживается классификации Ульпиана, слегка «поправив» последнего преторским правом и придав остальным составляющим ее элементам разное значение и функциональную нагрузку. Публичное право «ушло» в область политики. Гражданское и преторское право образовало национальную правовую систему. Право народов – адаптированная к внешней среде римская национальная правовая платформа, а естественное право – вообще не право, а попытка юристов потеоретизировать в области философии.

Г. Ф. Шершеневич

Публичное право, по мнению Габриэля Феликсовича Шершеневича, в глазах римлян обладало нераздельным единством, но в настоящее время из-за количественного роста норм «...само раскалывается на части. Это деление норм права наблюдается как в самой жизни, так и в государственных науках, занимающихся их изучением. В публичном праве

обособляется прежде всего та часть норм, которая определяет строение государства. Речь идет не о социологическом существе государства, а о правилах, на которых основывается организация власти в государстве. Это – государственное право». К числу публичных отраслей Г. Ф. Шершеневич также отнес административное право, финансовое, уголовное и судебное [25, с. 475]. По мнению Г. Ф. Шершеневича, «в области частного права не замечается такой дифференциации, как в области публичного права. Почти вся она занята гражданским правом. Рядом с гражданским правом выдвинулось в области частного права торговое право» [25, с. 480–482].

Таким образом, структура публичного права, по Шершеневичу, состоит из конституционного, административного, финансового, уголовного и судебного права. Право частное дуально и включает гражданское и торговое право.

Современные представления о дуализме права в постсоветской юридической литературе

Анализ многочисленной зарубежной научной литературы позволяет заключить, что тема, поднятая в рамках данной научной статьи, относится к числу обсуждаемых и в зарубежной юриспруденции. Так, ученые исследуют вопросы: взаимодействия публичного и частного права [27; 45; 47; 49]; гармонизации публичного и частного права [29; 38; 42]; преодоления разрыва между ними [51]; содержания таких категорий, как «публичный интерес» [30; 41; 43], «публичная жизнь» [28; 36], «частный интерес» [50]; значения публичного права в современном международном и национальном пространстве [33; 35] и т. д. О научном интересе к различным аспектам проблемы «стыка» частного и публичного права говорят многочисленные публикации [31; 32; 34; 37; 39; 40; 44].

В юридической литературе современной России также не сформировалось единого мнения по поводу того, что представляет собой публичное и частное право. Отсутствие «общего знаменателя» порождает бесконечное многообразие теоретических конструкций и, естественно, не позволяет выработать четкую и согласованную позицию в этом вопросе. Вот некоторые из известных российской цивилистике определений терминов «частное право», «пуб-

praetor peregrinus was established. *Jus gentium* was a tool processing various national regulations of the ancient world that came across each other at the international market and working out of those a single international legislation which then could be used for reconsidering Roman law on international terms. It goes without saying that *jus gentium* in the above meaning and *jus naturale* were the first hints of legal thought in the field of legal philosophy but not a new set of regulations such as *jus civile*, *jus honorarium* and *jus gentium* [23, pp. 55–56].

As one can see, Pokrovsky considered the law of nations to be a kind of experiment and the result of revision of ancient legal regulations of different states in order to obtain a single international law. In fact, he interprets it as civil Roman law adapted to external conditions and applying its requirements to new subjects – peregrines.

As for natural law, it is left out of legal practice and placed into the sphere of the first theoretical legal experiments in the field of legal philosophy. This is Pokrovsky's opinion.

Generally, it can be seen that Pokrovsky holds onto Ulpian's classification, adding praetorian law to it and giving its other elements different meanings and functions. Public law was left in the sphere of politics. *Jus civile* and praetorian law turned into a national legal system. The law of nations is a Roman national legal platform adapted to the external environment, while natural law is not law at all but jurists' philosophical theorization.

G. F. Shershenevitch

According to G. F. Shershenevitch, the ancient Romans saw public law as a single unit but separated into different parts because of the increase in the number of regulations. This separation of legal norms could be found both in real life and sciences studying these. In public law it is the regulations determining the structure of the state

that were first to separate. That does not refer to the state as a social unit but to the regulations which the power in the state was based on. This law was named state law by Shershenevitch. He also considered administrative law, financial law, criminal law and judicial law to be branches of public law (for further details see [25, p. 475]). In Shershenevitch's opinion, in the field of private law there is no such a differentiation as in public law. Differentiation is mostly connected with civil law. In the field of private law along with civil law there appeared commercial law [25, pp. 480–482].

To sum up all the above, according to Shershenevitch, the structure of public law consists of constitutional, administrative, financial, criminal, and judicial law. Private law consists of civil and commercial law.

Modern Ideas of Legal Duality in Post-Soviet Legal Science

The analysis of foreign academic literature allows us to make a conclusion that the issues considered in the present article are among the most discussible in international legal science. Jurists worldwide are interested in and research the interrelations between public and private law [27, 45, 47, 49]; the harmonization of public and private law [29, 38, 42]; the ways to bridge the divide between them [51]; the meaning of such categories as 'public interest' [30, 41, 43], 'public life' [28, 36], 'private interest' [50]; the importance of public law in modern national and international space [33, 35], etc. A great number of academic studies are concerned with research on the junction between private and public law [31, 32, 34, 37, 39, 40, 44].

In modern legal Russian literature, there is no consensus on the interpretation of public and private law. The lack of a single criterion gives rise to a great number of theories and hinders the development of common understanding of these concepts. Further there will be provided several definitions of the terms 'public law' and 'private law'

личное право» и соответствующая структура этих понятий.

Проф. Т. В. Кашанина относит к публичному праву «референдумные» и законодательные нормы, а к частному праву – корпоративные и договорные правила поведения, т. е. те нормы, которые формируются частными субъектами самостоятельно, без непосредственного участия государства или обществ в целом [11, с. 20–24].

В учебнике гражданского права под редакцией проф. Б. М. Гонгало предлагается другое толкование. По его мнению, термин «частное право» не стоит сводить только к праву гражданскому: этот термин необходимо трактовать расширительно. И если к отраслям публичного права авторами учебника отнесены «конституционное (государственное) право, административное право, судебное право, финансовое и налоговое право, право социального обеспечения, уголовное право, а также природоохрнительное право», то к частным отраслям «относится прежде всего гражданское право, а также семейное, трудовое, природоресурсное право» [7, с. 66].

Структура частного права, предложенная уральской школой цивилистики, вызывает возражение у проф. М. Н. Кузнецова, который пишет: «Частное право, в отличие от публичного, регулирует отношения, обеспечивающие частные интересы, автономию и инициативу индивидуальных (частных) собственников и их объединений в их имущественной деятельности и личных отношениях. К частному праву относятся гражданское право, регулирующее имущественные и личные неимущественные отношения, семейное право, а также торговое право» [14, с. 235].

Отличную от предыдущих точку зрения транслирует в своих работах доцент В. В. Васильев, считая, что современное гражданское право имеет смешанную, двойную – частно-публичную природу и его уже невозможно сводить к понятию частного права: «частное право является по своей юридической природе однородным массивом правовых норм диспозитивной направленности и такая однородная направленность правовых норм уже не может эффективно регулировать широкий круг меняющихся общественных отношений... Современное гражданское право – это особый сим-

биоз частноправовых и публичноправовых норм» [2, с. 35].

О произошедшей дифференциации гражданского законодательства и коммерциализации гражданского права, а следовательно, и неизбежности отхода от теории жесткого дуализма пишут и проф. Е. Г. Комиссарова, проф. О. А. Кузнецова [12, с. 656–661].

Список примеров различных теоретических конструкций, которые «используют» критерий Ульпиана, но при этом совершенно не соотносятся ни между собой, ни с подлинным содержанием древнеримских положений, можно продолжать. Как мы видим, все они, по большей части, основаны на авторских определениях права (частного, публичного, гражданского, гражданского). Поэтому предлагать подобные схемы можно до бесконечности.

Результаты сопоставления классификации Ульпиана с позициями доктринальных современных источников

В отличие от Древнего Рима законы природы не входят в круг интересов современной юриспруденции и не рассматриваются как предмет частного права. Теперь естествознанием занимаются представители других специальностей, далеких от юриспруденции и даже не попадающих в сферу действия гуманитарных наук. Однако утверждать, что соответствующие регламентации не продублированы писанным гражданским правом отдельных государств, не стоит. Это тема отдельного исследования.

Право народов, напротив, осталось в орбите интересов современной светской юриспруденции, но теперь разбросано по предметам нескольких отраслей. Что касается «ведения войны, разделения народов, основания царств...» (Гермогениан, 1-я книга «Краткого изложения права») [9, с. 84, 85], то эти вопросы образуют сферу международного публичного права. А вот вопросы, касающиеся «...построения зданий, торговли, купли и продажи, найма, обязательств, за исключением тех, которые введены гражданским правом» [9, с. 84, 85], теперь являются предметом международного частного права.

Таким образом, изначальное содержание древнеримского «частного права» не только не соответствует современному пониманию, но и содержательно разнесено по нескольким отрас-

known to Russian civil law and the interpretations of those.

According to Prof. T. V. Kashanina, public law includes so called referendum and legal regulations while private law concerns company and contractual rules, i.e. the norms that are independently formed by individual subjects without governmental or social interference [11, pp. 20–24].

The textbook on civil law under the editorship of Prof. B. M. Gongalo provides another interpretation. In the editor's opinion, it is wrong to reduce the term 'private law' to civil law only, it must be viewed in a broader context. It is claimed in the textbook that branches of public law are constitutional (state) law, administrative law, judicial law, financial and tax law, social security law, criminal law, and nature-oriented law, while private law includes above all civil law and also family, labor, and natural resources law [7, p. 66].

The structure of private law suggested by the Ural school of civil law goes in disagreement with the opinion of Prof. N. M. Kuznetsov who states that, unlike public law, private law regulates the relationships representing private interests, independence and initiatives of private (individual) owners and their associations, their property deals as well as their private relationships. Private law includes civil law regulating property relations and private non-property relations, family law, and commercial law [14, p. 235].

The viewpoint expressed by the associate professor V. V. Vasiliev is different from the previously presented ones. He supposes that modern civil law has a dual public-private nature and it cannot be reduced to the concept of private law. He claims that private law in its legal nature is a 'homogeneous block of legal regulations of discretionary orientation, and such a homogeneous orientation of legal regulations cannot effectively regulate the wide range of changing social relationships'.

Modern civil law is a particular combination of private and public regulations [2, p. 35].

Prof. E. G. Komissarova and O. A. Kuznetsova write about recent differentiation of civil legislation and commercialization of civil law, which leads to an inevitable departure from the theory of pure duality [12, pp. 656–661].

This is far not an exhaustive list of various theoretical constructions based on the Ulpian's criterion but being totally different both from each other and from the original meaning of the Roman ideas. As it can be seen, all of these conceptions are based mostly on the individual interpretations of the law (private, public, civil law, jus civile). Therefore, the potential number of such definitions and concepts is endless.

The Results of Comparing Ulpian's Classification with Modern Doctrinal Sources

Laws of nature are not included into the range of interests of modern jurisprudence and are not considered to be the subject of private law as they were in ancient Rome. Currently, natural phenomena are studied by other sciences that are beyond the research sphere of the humanities. However, one would rather not claim that the respective regulations have completely disappeared from written jus civile of particular states. This could be a subject of a separate study.

Meanwhile, the law of nations has remained in the range of interests of modern legal science, but it is included into several different areas of study. As for the issues concerning how 'war was introduced, nations were distinguished, kingdoms were established' (Hermogenianus, *Epitomes of Law*, Book 1) [9, pp. 84–85], these constitute modern international public law, while the regulations on how 'buildings were erected, mutual traffic, purchase and sale, letting and hiring and obligations in general were set on foot, with the exception of a few of these last which were introduced by the civil law' [9, pp. 84–85] now are the subjects of international private law.

Thus, the original meaning of ancient Roman private law does not match its modern interpretation; moreover, it is included into several areas

лям, в том числе и имеющим в своем названии слово «публичное». То есть право, изначально частное по содержанию и по форме, превращено сегодня, без всяких на то оснований, в право публичное. К примеру, кража, будучи прерогативой частного права в Древнем Риме, сейчас тоже воспринимается как элемент, бесспорно, публичный.

Право гражданское – последнее из элементов системы частного права, по Ульпиану, также не избежало трансформаций. Гражданское право в современной доктрине используется как синоним права гражданского. При этом все цивилисты знают, что этот «дословный» перевод совершенно не синонимичен переводимой латыни.

Что имеется в виду? *Jus civile* – это право, распространявшее свое действие на граждан Рима – квиритов и поэтому синоним этого термина не право гражданское, а право квирическое – *jus quiritium*. Современное гражданское право регулирует отношения не только с участием граждан конкретного государства, но распространяет свое действие, как правило, на более широкий круг субъектов. В соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса РФ, к примеру, среди субъектов гражданских правоотношений указаны физические (граждане РФ, иностранные граждане, апатриды), юридические лица (в том числе иностранные) и публичные образования (РФ, субъекты РФ и муниципальные образования).

Современное «гражданское право», считал в свое время проф. И. Б. Новицкий, больше соответствует совокупности трех древнеримских систем – гражданскому праву, праву народов и преторскому праву [18, с. 7]. Наиболее подходящим для объединения указанной совокупности проф. И. Б. Новицкий видел термин «частное право». Этот подход является превалирующим для современной цивилистики. Гражданское право признается ядром, основой, а иногда и воплощением частного права.

С этим подходом вряд ли безоговорочно можно соглашаться, если учитывать древнеримскую трактовку этой категории. Во-первых, частное право, как мы выяснили, это право естественное (природное право), право народов (общее для всего человечества) и право граждан, гражданское право (национальное право конкретного государства).

Во-вторых, о преторском праве в классификации Ульпиана не сказано ни строчки. Более того, Папиниан во 2-й книге «Определения» указывал: гражданское право – это то, которое происходит из законов, плебисцитов, сенат-консультов, декретов принцепсов, мнений мудрецов; преторское право – это то, которое ввели преторы для содействия гражданскому праву или для его дополнения или исправления в целях общественной пользы; оно называется также в честь преторов *jus honorarium* [9, с. 84–87].

Таким образом, преторское право, исходя из содержания процитированного фрагмента Дигест, больше напоминает современные подзаконные нормативные акты (вводится для содействия гражданскому праву). Поэтому с позицией проф. И. А. Покровского, предлагавшего считать *jus honorarium* составной частью римского частного права наряду с *jus civile*, можно поспорить, поскольку и по значению, и по сроку действия, и, самое главное, по сути преторское право не «дотягивает» до качества законоположений. Преторы хотя и творят, постановляют право, но все же это более соответствует актам правоприменения. В этой связи показательно вспомнить цитированное мнение Юлиуса Павла из 14-й книги «Комментариев к Сабину» о ситуации, когда претор выносит несправедливое решение. В этом случае право как бы дистанцируется от постановления претора, лишая последнего качества справедливого установления.

В-третьих, говоря о гражданском или гражданском праве, мы должны понимать, что сравниваем термины фактически противоположных полюсов правопонимания. Однако сравнивать их некорректно. Это совершенно разные понятия.

Вот какое, к примеру, «юс натуралистическое» и по сути сугубо каузальное определение гражданского права у древних дает Павел: гражданское право – «это то, что полезно всем или многим в каждом государстве» [9, с. 86, 87]. Значительно отличается от этого определения современное представление о гражданском праве. Гражданское право есть совокупность норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между равными субъектами, наделенными автономной волей, и действующие сообразно собственному интересу. В одном определении есть морально-нравственный критерий, позволяющий определять качество права, а в другом – нет.

some of which are closely connected with public law. Thus, the law being originally private by its form and content has been turned by modern scientists into public. For example, the theft, which in ancient Rome used to be a subject of private law, is now considered to be a public category.

The last element of Ulpian's private law system, *jus civile*, has gone through transformations too. *Jus civile* in the modern doctrine is used as a synonym for civil law. Meanwhile, all specialists in *jus civile* know that this verbatim translation is not synonymous to its Latin equivalent.

It can be explained in the following way. *Jus civile* is the law applied exclusively to Roman citizens, Quirites, so the synonym for this term is not civil but quiritarian law - *jus quiritium*. Modern civil law regulates relationships between citizens of a particular state as well as extends its action to a wider range of subjects. For example, according to Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation, among the subjects of legal relations there are natural persons (citizens of the Russian Federation, foreign citizens, apatrides), legal persons (including foreign ones), and public units (Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, and municipal structures).

Modern civil law, as Prof. I. B. Novitsky used to believe, is rather a set of three ancient Roman systems: *jus civile*, the law of nations, and praetorian law [18, p. 7]. The best term to define this set is, according to Novitsky, private law. This approach dominates in modern civil jurisprudence. Civil law is supposed to be the central element of private law.

However, this approach is quite arguable taking into account ancient Roman interpretation of this concept. Firstly, private law proved to include natural law (*jus naturale*), the law of nations (*jus gentium*) common for the whole mankind, and *jus civile* (national law of a particular state).

Secondly, there is no mentioning of praetorian law in Ulpian's classification at all. Moreover, Papinianus (*Definitions* 2) wrote: 'Civil law is the law which is derived from statutes, plebiscites, decrees of the senate, enactments of the emperors, or the authority of those learned in the law. Praetorian law is that which was introduced by the praetors in order to aid, supplement, or amend civil law, with a view to the public advantage. It is also called 'honorary law,' after the honor (public office) of the praetors' [9, pp. 84-87].

As follows from the above quotation, praetorian law is rather analogous to modern subordinate legislation (introduced in order to assist *jus civile*). That is why the position of I.A. Pokrovsky, who suggested considering *jus honorarium* an element of Roman private law along with *jus civile*, is quite arguable since praetorian law in its importance, validity, and meaning cannot be treated as a legal provision. Although Praetors create laws, these are rather law enforcement acts. To prove this, we can refer to the quote of Julius Paulus from the 14th book of *Notes on Sabinus* given above saying that the praetor's decision may be unfair. In this case the law disassociates itself from the praetor's resolution, the praetor being deprived of the power to establish justice.

Thirdly, speaking about civil law or *jus civile*, one must understand that these terms are impossible to be compared due to their totally different nature.

It must be noted that *jus civile* was defined by ancient jurists as *jus naturale* and as basically causal concept. For instance, the following definition was given by Julius Paulus: *jus civile* is the law that 'is available for the benefit of all or most persons in any particular state' [9, pp. 86–87]. Modern interpretation of civil law differs significantly from the above definition. Currently, civil law is a set of norms regulating property and private non-property relations between equal subjects having a

Выводы

1. Содержательная часть основных понятий современной теории правового дуализма (публичное и частное право) не соответствует содержанию древнеримских аналогов, представляя собой искаженный до неузнаваемости исходный информационный сигнал. Необходимо отметить, что потеря первоначального смысла настолько критична, что фактически изменяет производный «юс натуралистический» (естественно-правовой) тип правовопонимания древних на неопозитивизм или нормативизм современности.

2. Критерий Ульпиана не является и никогда не являлся самостоятельной методологической конструкцией и должен использоваться только с учетом конкретного содержания, которое вкладывал автор в понятия «публичное право» и «частное право»: сфера публичного права – это «священнодействия, деятельность жрецов и положения магистратов»; право частное – совокупность трех элементов: права естественного, права народов и права гражданского.

3. Изначальное содержание термина «частное право» как совокупности трех взаимосвязанных между собою частей (естественного права, права народов и права гражданского) не используется современным правоведением. Исследование современных доктринальных источников на предмет соответствия предлагаемых классификаций права по критерию Ульпиана не выявило совпадений с первоначальным смыслом Дигест Юстиниана.

4. Гражданское право, по определению Дигест, есть право национальное, собственно государственное и не сводящееся к регламентации исключительно горизонтальных имущественных и личных неимущественных отношений между равными субъектами, наделенными автономной волей и действующими согласно собственному интересу. По своему содержанию этот термин гораздо шире гражданского, семейного трудового и любого другого права, поскольку включает в себя все эти виды государственных предписаний.

5. Определение гражданского права, данное в Дигестах Юстиниана как «права полезного всем или многим в отдельном государстве» содержит критерий, который позволяет отделять право от «неправа», закон от произвола, спра-

ведливость от несправедливости. В силу этого качества древнее определение заметно превосходит большинство современных теоретических конструкций.

6. Современная юриспруденция является десакрализованной, экзотерической и предельно «сокращенной» копией древней аналогии, из предмета которой изъяты «познание божественных дел» и «наука о справедливом и несправедливом». В результате подобного выхолащивания современная юриспруденция страдает определенной социальной дисфункцией и зачастую вынуждена работать с источниками, лишенными смыслов.

7. Возврат истины в содержательную часть основных категорий классификации Ульпиана (право, публичное, частное, гражданское, сакральное) не только придаст новый импульс и нужное направление научным исследованиям, но и позволит сократить бесполезно-избыточный информационный массив юридической литературы, нормативно-правовых актов и других источников, выступающих в качестве объектов или предметов цивилистических исследований.

Библиографический список

1. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения: пер. с чеш. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
2. Васильев В. В. Гражданское право в системе: право частное-право публичное // Право и государство: теория и практика. 2013. № 12(108). С. 32–36.
3. Воронцов С. Г. К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3. С. 16–22.
4. Воронцов С. Г. Модель коммуникации Г. Д. Лассуэлла как элемент методологии цивилистических исследований / Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. М., 2019. С. 414–432.
5. Голубцов В. Г. Совершенствование правового регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства на современном этапе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 1. С. 179–188.
6. Голубцов В. Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отно-

will of their own and acting in accordance with their own interests. One definition contains a moral criterion which allows for determining the quality of the law, while the other one does not.

Conclusions

1. The substantive content of the basic concepts of modern legal duality theory (public and private law) does not correspond to the content of ancient Roman sources, whose original meaning had been made unrecognizable. It must be noted that the loss of the original meaning is so crucial that it replaces primary *jus naturale* (natural law) interpretation of law by Roman jurists with neopositivism or normativism of the present day.

2. Ulpian's criterion has never been an independent methodological conception and so it must be used only if a specific content meant by the author of public and private law is taken into account. In particular, the sphere of public law includes *sacra*, priests' activity and magistrates' regulations, while private law is a combination of three elements: natural law, the law of nations, and *jus civile*.

3. The original meaning of the term 'private law' as a combination of three elements (natural law, the law of nations, and *jus civile*) is not used by modern legal science. The study of modern doctrinal sources with respect to the correspondence between the existing classifications of law and Ulpian's criterion has not revealed any match to the original ideas of the *Digest* of Justinian.

4. According to the *Digest*, *jus civile* is law that is national, state, and not reduced to solely regulation of property and private non-property relations between equal subjects having a will of their own and acting in accordance with their own interests. By its content, this concept is much wider than civil, family, labor and any other law because it includes all these types of state regulations.

5. The given in the *Digest* definition of *jus civile* as 'available for the benefit of all or most persons in any particular state' includes the criterion that allows for distinguishing between the law and

non-law, the law and arbitrary behavior, fairness and unfairness. Due to this characteristic, the ancient definition has a deeper and wider meaning than modern theoretical studies.

6. Modern jurisprudence is a desacralized, exoteric and extremely reduced copy of the ancient sources with the 'cognition of the divine' and 'the study of the fair and unfair' being discarded. As a result, modern legal science suffers a kind of social dysfunction and frequently has to deal with meaningless sources.

7. Getting back the genuine interpretation to the meanings of the basic concepts of Ulpian's classification (*law*, public, private, *jus civile*, *sacral*) would give a new impetus and the right direction for scientific studies, let alone reduce the redundant amount of information in legal research, regulations and other sources serving as objects of study in the field of *jus civile*.

References

1. Bartoshek M. *Rimskoe pravo: (Ponyatiya, terminy, opredeleniya): Per. s cheshsk.* [Roman Law: (Concepts, Terms, Definitions): transl. from Czech]. Moscow, 1989. 448 p. (In Russ.).
2. Vasil'ev V. V. *Grazhdanskoe pravo v sisteme: pravo chastnoe-pravo publichnoe* [Civil Law in the System of 'Private Law-Public Law']. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice.* 2013. Issue 12(108). Pp. 32–36. (In Russ.).
3. Vorontsov S. G. *K voprosu o probleme effektivnosti pravovogo regulirovaniya v sovremennoy Rossii* [On the Issue of Legal Regulation Efficiency in Modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2012. Issue 3. Pp. 16–22. (In Russ.).
4. Vorontsov S. G. *Model' kommunikatsii G. D. Lassuella kak element metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy* [The Communication Model of H. D. Lasswell as an Element of Methodology of Civil Researches]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: Sbornik nauchnykh statey* [Methodological Problems of the Civil Researches: Collection of Scientific Articles]. 2019. Pp. 414–431. (In Russ.).
5. Golubtsov V. G. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sfere*

шений с участием государства. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 249 с.

7. *Гражданское право*: учебник; в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгалло. М.: Статут, 2016. Т. 1. 511 с.

8. *Гражданское уложение Германии* = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: ввод. Закон к Гражд. уложению; пер. с нем. / сост. и введ. В. Бергманна; науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. 2-е изд., доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 816 с.

9. *Дигесты Юстиниана* / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.

10. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 782 с.

11. *Кашанина Т. В.* Частное право в структуре права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1(7). С. 20–24.

12. *Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А.* К вопросу о внутреннем строении современного частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 644–663. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663.

13. *Кофанов Л. Л.* Римское право: учеб. пособие. М.: РГУП, 2019. 274 с.

14. *Кузнецов М. Н.* Понятие «частное» в международном частном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 2(24). С. 234–242.

15. *Ленин В. И.* О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44.

16. *Макеев В. В., Головкин А. Г.* Частное право Древнего Рима: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов на/Д.: Изд. центр «МарТ», 2002. 256 с.

17. *Мейер Д. И.* Избранные труды: в 2 т. / вступ. слово д-ра юрид. наук, проф. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. Т. 1. 848 с.

18. *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1972. 296 с.

19. *Платон.* Диалоги / пер. с древнегр.; сост., ред. и автор вступ. статьи А. Ф. Лосев; автор примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1998. 607 с.

20. *Платон.* Законы / пер. с древнегр.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. А. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. 832 с.

21. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги / пер. с древнегр.; сост. С. Аверинцева, вступ. ст. А. Лосева, коммент. А. Столярова. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 672 с.

22. *Поздняков С. Н.* Платон и древнеегипетские представления о бессмертии души: к проблеме влияния // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 46–55.

23. *Покровский И. А.* История римского права. Минск: Харвест, 2002. 528 с.

24. *Сморчков А. М.* Авгурский контроль над ауспициями магистратов: теория и реальность // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 157–171.

25. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное: в 6 т. / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. Т. 4. 752 с.

26. *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

27. *Arroyo D. P. Fernandez, Mbengue, Makane Moise.* Public and Private International Law in International Courts and Tribunals: Evidence of an Inescapable Interaction // Columbia Journal of Transnational Law. 2018. Vol. 56, Issue 4. Pp. 797–854.

28. *Barnes J.* An Expanding Frontier of Administrative Law: The Public Life of Private Actors // European Public Law. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 595–612.

29. *Bentley N.* War on Two Fronts: Harmonising the Public and Private Enforcement of Australia's Corporate Disclosure Laws // Company and Securities Law Journal. 2016. Vol. 34, Issue 8. Pp. 567–598.

30. *Brekoulakis S. Devaney M.* Public-Private Arbitration and the Public Interest under English Law // Modern Law Review. 2017. Vol. 80, Issue 1. Pp. 22–56.

31. *Cherednychenko O. O.* Rediscovering the Public/Private Divide in EU Private Law // European Law Journal. 2019. DOI: 10.1111/eulj.12351.

32. *Darmon E.; Le Texier Th.* Private or Public Law Enforcement? The Case of Digital Anti-Piracy Policies with Illegal Non-Monitored Behaviors // Review of Network Economics. 2016. Vol. 15, Issue 4. Pp. 169–210.

gosudarstvenno-chastnogo partnerstva na sovremennom etape [Improving the Legal Regulation of Relations in the Sphere of Public-Private Partnership at the Present Stage]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Issue 1. Pp. 179–188. (In Russ.).

6. *Golubtsov V. G.* Sochetanie publicnykh i chastnykh nachal v regulirovanii veshchnykh otnosheniy s uchastiem gosudarstva. 2-e izd. [Combination of Public and Private Principles in the Regulation of Property Relations with Participation of the State. 2nd ed.]. St. Petersburg, 2005. 249 p. (In Russ.).

7. *Grazhdanskoe право: учебник. V 2 t. / Pod red. B. M. Gongalo* [Civil Law: Textbook. In 2 vols.; ed. by B. M. Gongalo]. Moscow, 2016. Vol. 1. 511 p. (In Russ.).

8. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii* = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: vvod. Zakon k Grazhd. Ulozheniyu; per. s nem. / [V. Bergmann vved., sost.]; nauch. redaktory A.L. Makovskiy [i dr.]. 2-e izd., dop. [German Civil Code = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: Introductory Law to Civil Code; transl. from Germ.; comp. by V. Bergmann; ed. by A. L. Makovskiy et al. 2nd ed., enlarged]. Moscow, 2006. Vol. VIII. 816 p. (In Russ.).

9. *Digesty Yustiniana / per. s lat.; отв. red. L. L. Kofanov* [The Digest of Justinian; transl. from Latin; ed. by L.L. Kofanov]. Moscow, 2002. 584 p. (In Russ.).

10. *Ioffe O. S.* Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii tsivilisticheskoy mysli. *Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaystvennogo prava»*. 2-e izd., ispr. [Selected Works on Civil Law: from the History of Civil Thought. Civil Legal Relationship. Criticism of the Theory of Economic Law. 2nd ed., revised]. Moscow, 2003. 782 p. (In Russ.).

11. *Kashanina T. V.* Chastnoe pravo v strukture prava [Private Law in the Structure of Law]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* – Leningrad Law Journal. 2007. Issue 1(7). Pp. 20–24. (In Russ.).

12. *Komissarova E. G., Kuznetsova O. A.* K voprosu o vnutrennem stroenii sovremennogo chastnogo prava [On the Internal Structure of Modern Private Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University

Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 4(42). Pp. 644–663. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663. (In Russ.).

13. *Kofanov L. L.* *Rimskoe pravo: uchebnoe posobie* [Roman Law: Study Guide]. Moscow, 2019. 274 p. (In Russ.).

14. *Kuznetsov M. N.* Ponyatie «chastnoe» v mezhdunarodnom chastnom prave [The Notion of ‘Private’ in Private International Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Issue 2(24). Pp. 234–242. (In Russ.).

15. *Lenin V. I.* O zadachakh Narkomyusta v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki [On the Tasks of the People's Commissariat for Justice under the New Economic Policy]. *Polnoe sobranie sochineniy. Izdanie pyatoye* [Complete Works. Fifth edition]. Moscow, 1970. Vol. 44. (In Russ.).

16. *Makeev V. V., Golovko A. G.* Chastnoe pravo Drevnego Rima: uchebnoe posobie. (2-e izd.) [Private Law of Ancient Rome: Textbook. (2nd ed.)]. Rostov-on-Don, 2002. 256 p. (In Russ.).

17. *Meyer D. I.* Izbrannye trudy: v 2 t. / vstupil. slovo d-ra yurid. nauk, prof. P. V. Krasheninnikova [Selected Works: in 2 vols.; prefaced by P. V. Krasheninnikov]. Moscow, 2019. Vol. 1. 848 p. (In Russ.).

18. *Novitskiy I. B.* Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava [Basics of Roman Civil Law]. Moscow, 1972. 296 p. (In Russ.).

19. *Plato. Dialogi / per. s drevnegrech.; sost., red. i avtor vstupil. stat'i A. F. Losev; avtor primech. A. A. Takho-Godi* [Dialogues; transl. from Ancient Greek; ed. by A. F. Losev; notes by A.A. Takho-Godi]. Moscow, 1998. 607 p. (In Russ.).

20. *Plato. Zakony / per. s drevnegrech.; obshch. red. A. F. Loseva, V. A. Asmusa, A. A. Takho-Godi* [Laws; transl. from Ancient Greek; ed. by A. F. Losev, V. A. Asmus, A. A. Takho-Godi]. Moscow, 1999. 832 p. (In Russ.).

21. *Plutarch. Sravnitel'nye zhizneopisaniya. Traktaty i dialogi / per. s drevnegrech. Sost. S. Averintseva, vstup. stat'ya A. Loseva, komment. A. Stolyarova* [Comparative Biographies. Treatises and Dialogues; transl. from Ancient Greek; comp. by S. Averintseva; prefaced by A. Losev; comment. by A. Stolyarov]. Moscow, 1997. 672 p. (In Russ.).

22. *Pozdnyakov S. N.* Platon i Drevneegipetskie predstavleniya o bessmertii dushi: k

33. *Elia Antonio M.* Private Actors, Public Authorities and the Relevance of Public Law in the Process of European Standardization // *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 473–489.
34. *Erkan G. H.; Avar A. A.* Clash of Public Law and Private Law as Results of Protocol – Governed Planning: The ‘Izmir Basmane World Trade Center’ Case // *Planlama-Planning*. 2017. Vol. 27, Issue 2. Pp. 152–168.
35. *Flikschuh K.* A Regime of Equal Private Freedom? Individual Rights and Public Law in Ripstein’s Force and Freedom // *Law and Practical Reason*. 2017. Pp. 55–74.
36. *Hattab M. K.* The Doctrine of Legitimate Expectation & Proportionality: A Public Law Principle Adopted into the Private Law of Employment // *Liverpool Law Review*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 239–264.
37. *Henriksson L.* Private Enforcement of Public Law – An Inconsistent Approach to Remedies? // *Swedish Studies in European Law*. 2019. Vol. 12. Pp. 79–95.
38. *Himsworth Ch.* Transplanting Irrationality from Public to Private Law: *Braganza v BP Shipping Ltd* // *Edinburgh Law Review*. 2019. Vol. 23, Issue 1. Pp. 1–21.
39. *Krajewska A.* Transnational Health Law Beyond the Private/Public Divide: The Case of Reproductive Rights // *Journal of Law And Society*. 2018. Vol. 45. Pp. 220–244.
40. *Kysar D. A.* The Public Life of Private Law: Tort Law as a Risk Regulation Mechanism // *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, Issue 1. Pp. 48–65.
41. *Mallik Ch.* Public-Private Discord in the Land Acquisition Law: Insights from Rajarhat in India // *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 401–420.
42. *Mankowski P.* Linkages and Boundaries in Private and Public International Law // *Rabels Zeitschrift Fur Ausländisches Und Internationales Privatrecht*. 2019. Vol. 83, Issue 3. Pp. 706–712.
43. *Morris R.* Public Law And Private Initiative The Wider Context Of Local Legislation // *Local Government, Local Legislation: Municipal Initiative In Parliament From 1858–1872*. 2017. Pp. 109–139.
44. *Otis Gh.* Aboriginal Rights at the Crossroads of Public and Private Law: The Case of the Extractive Industry // *Cahiers De Droit*. 2019. Vol. 60, Issue 2. Pp. 451–490.

45. *Pavesi P.* Descartes and the laws of charity. Public and private law in the Letter to Voetius // *Revista De Filosofia-Madrid*. 2019. Vol. 44, Issue 2. Pp. 193–209.
46. *Seckel E.* Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts, Festgabe für Koch. 1903. 205 S.
47. *Smith L. J.* Private Law, Public Law, Metalegal and Public Policy in Space: A Liber Amicorum in Honor of Ernst Fasan // *Air & Space Law*. 2017. Vol. 42, Issue 1. Pp. 101–103.
48. *Sokolowski P.* Die Mandatbürgerschaft nach römischen und gemeinen Recht. Halle, 1891.
49. *Spickermann W.* Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion // *Historische Zeitschrift*. 2017. Vol. 304, Issue 2. Pp. 465–466.
50. *Wan W. Y., Chen Ch., Goo S. H.* Public and Private Enforcement of Corporate and Securities Laws: An Empirical Comparison of Hong Kong and Singapore // *European Business Organization Law Review*. 2019. Vol. 20, Issue 2. Pp. 319–361.
51. *Wils W. P. J.* Private Enforcement of EU Antitrust Law and Its Relationship with Public Enforcement: Past, Present and Future // *World Competition*. 2017. Vol. 40, Issue 1. Pp. 3–45.

References

1. *Bartoshek M.* *Rimskoe pravo: (Ponyatiya, terminy, opredeleniya): Per. s cheshsk.* [Roman Law: (Concepts, Terms, Definitions): transl. from Czech]. Moscow, 1989. 448 p. (In Russ.).
2. *Vasil'ev V. V.* *Grazhdanskoe pravo v sisteme: pravo chastnoe-pravo publichnoe* [Civil Law in the System of ‘Private Law-Public Law’]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* – Law and State: The Theory and Practice. 2013. Issue 12(108). Pp. 32–36. (In Russ.).
3. *Vorontsov S. G.* *K voprosu o probleme effektivnosti pravovogo regulirovaniya v sovremennoy Rossii* [On the Issue of Legal Regulation Efficiency in Modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2012. Issue 3. Pp. 16–22. (In Russ.).
4. *Vorontsov S. G.* *Model' kommunikatsii G. D. Lassuella kak element metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy* [The Communication Model of H. D. Lasswell as an Element of Methodology of Civil Researches]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy:*

- probleme vliyaniya* [Plato and Ancient Egyptian Ideas on the Immortality of the Soul: on the Problem of Influence]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* – Herald of the Russian Christian Academy for the Humanities. 2010. Vol. 11, Issue 3. Pp. 46–55. (In Russ.).
23. *Pokrovskiy I. A.* *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law]. Minsk, 2002. 528 p. (In Russ.).
24. *Smorchkov A. M.* *Avgurskiy kontrol' nad auspitsiyami magistratov: teoriya i real'nost'* [The Augural Control over the Magistrate’s Auspices: Theory and Reality]. *Antichnyy mir i arkheologiya* – Ancient World and Archaeology. 2006. Issue 12. Pp. 157–171. (In Russ.).
25. *Shershenevich G. F.* *Izbrannoe: V 6 t.* [Selected Works: In 6 vols.]. Prefaced, comp. by P. V. Krashenninikov. Moscow, 2016. Vol. 4. 752 p. (In Russ.).
26. *Engels F.* *O razlozhenii feodalizma i vozniknovenii natsional'nykh gosudarstv* [On the Decay of Feudalism and the Emergence of National States]. *Sochineniya*. 2-e izd. / Marks K., Engels F. [Works. 2nd ed.; K. Marx, F. Engels]. Vol. 21. (In Russ.).
27. *Fernandez Arroyo D. P., Mbengue M. M.* Public and Private International Law in International Courts and Tribunals: Evidence of an Inescapable Interaction. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2018. Vol. 56, Issue 4. Pp. 797–854. (In Eng.).
28. *Barnes J.* An Expanding Frontier of Administrative Law: The Public Life of Private Actors. *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 595–612. (In Eng.).
29. *Bentley N.* War on Two Fronts: Harmonising the Public and Private Enforcement of Australia’s Corporate Disclosure Laws. *Company and Securities Law Journal*. 2016. Vol. 34, Issue 8. Pp. 567–598. (In Eng.).
30. *Brekoulakis S., Devaney M.* Public-Private Arbitration and the Public Interest under English Law. *Modern Law Review*. 2017. Vol. 80, Issue 1. Pp. 22–56. (In Eng.).
31. *Cherednychenko O. O.* Rediscovering the Public/Private Divide in EU Private Law. *European Law Journal*. 2019. DOI: 10.1111/eulj.12351. (In Eng.).
32. *Darmon E., Le Texier T.* Private or Public Law Enforcement? The Case of Digital Anti-Piracy Policies with Illegal Non-Monitored

- Behaviors. *Review of Network Economics*. 2016. Vol. 15, Issue 4. Pp. 169–210. (In Eng.).
33. *Elia Antonio M.* Private Actors, Public Authorities and the Relevance of Public Law in the Process of European Standardization. *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 473–489. (In Eng.).
34. *Erkan G. H., Avar A. A.* Clash of Public Law and Private Law as Results of Protocol – Governed Planning: The ‘Izmir Basmane World Trade Center’ Case. *Planlama-Planning*. 2017. Vol. 27, Issue 2. Pp. 152–168. (In Eng.).
35. *Flikschuh K.* A Regime of Equal Private Freedom? Individual Rights and Public Law in Ripstein’s Force and Freedom. *Law and Practical Reason*. 2017. Pp. 55–74. (In Eng.).
36. *Hattab M. K.* The Doctrine of Legitimate Expectation & Proportionality: A Public Law Principle Adopted into the Private Law of Employment. *Liverpool Law Review*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 239–264. (In Eng.).
37. *Henriksson L.* Private Enforcement of Public Law – An Inconsistent Approach to Remedies? *Swedish Studies in European Law*. 2019. Vol. 12. Pp. 79–95. (In Eng.).
38. *Himsworth Ch.* Transplanting Irrationality from Public to Private Law: *Braganza v BP Shipping Ltd*. *Edinburgh Law Review*. 2019. Vol. 23, Issue 1. Pp. 1–21. (In Eng.).
39. *Krajewska A.* Transnational Health Law beyond the Private/Public Divide: The Case of Reproductive Rights. *Journal of Law and Society*. 2018. Vol. 45. Pp. 220–244. (In Eng.).
40. *Kysar D. A.* The Public Life of Private Law: Tort Law as a Risk Regulation Mechanism. *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, Issue 1. Pp. 48–65. (In Eng.).
41. *Mallik Ch.* Public-Private Discord in the Land Acquisition Law: Insights from Rajarhat in India. *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 401–420. (In Eng.).
42. *Mankowski P.* Linkages and Boundaries in Private and Public International Law. *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht*. 2019. Vol. 83, Issue 3. Pp. 706–712. (In Eng.).
43. *Morris R.* Public Law and Private Initiative: The Wider Context of Local Legislation. *Local Government, Local Legislation: Municipal Initiative in Parliament from 1858–1872*. 2017. Pp. 109–139. (In Eng.).

Sbornik nauchnykh statey [Methodological Problems of the Civil Researches: Collection of Scientific Articles]. 2019. Pp. 414–431. (In Russ.).

5. Golubtsov V. G. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya otноsheniy v sfere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva na sovremennom etape* [Improving the Legal Regulation of Relations in the Sphere of Public-Private Partnership at the Present Stage]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*. – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Issue 1. Pp. 179–188. (In Russ.).

6. Golubtsov V. G. *Sochetanie publichnykh i chastnykh nachal v regulirovanii veshchnykh otноsheniy s uchastiem gosudarstva. 2-e izd.* [Combination of Public and Private Principles in the Regulation of Property Relations with Participation of the State. 2nd ed.]. St. Petersburg, 2005. 249 p. (In Russ.).

7. *Grazhdanskoe pravo: uchebnyk. V 2 t. / Pod red. B. M. Gongalo* [Civil Law: Textbook. In 2 vols.; ed. by B. M. Gongalo]. Moscow, 2016. Vol. 1. 511 p. (In Russ.).

8. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii = Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesetz: vvod. Zakon k Grazhd. Ulozheniyu; per. s nem. / [V. Bergmann vved., sost.]; nauch. redaktery A.L. Makovskiy [i dr.]. 2-e izd., dop.* [German Civil Code = Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesetz: Introductory Law to Civil Code; transl. from Germ.; comp. by V. Bergmann; ed. by A. L. Makovskiy et al. 2nd ed., enlarged]. Moscow, 2006. Vol. VIII. 816 p. (In Russ.).

9. *Digesty Yustiniana / per. s lat.; otv. red. L. L. Kofanov* [The Digest of Justinian; transl. from Latin; ed. by L.L. Kofanov]. Moscow, 2002. 584 p. (In Russ.).

10. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaystvennogo prava». 2-e izd., ispr.* [Selected Works on Civil Law: from the History of Civil Thought. Civil Legal Relationship. Criticism of the Theory of Economic Law. 2nd ed., revised]. Moscow, 2003. 782 p. (In Russ.).

11. Kashanina T. V. *Chastnoe pravo v strukture prava* [Private Law in the Structure of Law]. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal* – Leningrad Law Journal. 2007. Issue 1(7). Pp. 20–24. (In Russ.).

12. Komissarova E. G., Kuznetsova O. A. *K voprosu o vnutrennem stroenii sovremennogo chastnogo prava* [On the Internal Structure of Modern Private Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 4(42). Pp. 644–663. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663. (In Russ.).

13. Kofanov L. L. *Rimskoe pravo: uchebnoe posobie* [Roman Law: Study Guide]. Moscow, 2019. 274 p. (In Russ.).

14. Kuznetsov M. N. *Ponyatie «chastnoe» v mezhdunarodnom chastnom prave* [The Notion of ‘Private’ in Private International Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Issue 2(24). Pp. 234–242. (In Russ.).

15. Lenin V. I. *O zadachakh Narkomyusta v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki* [On the Tasks of the People’s Commissariat for Justice under the New Economic Policy]. *Polnoe sobranie sochineniy. Izdanie pyatoye* [Complete Works. Fifth edition]. Moscow, 1970. Vol. 44. (In Russ.).

16. Makeev V. V., Golovko A. G. *Chastnoe pravo Drevnego Rima: uchebnoe posobie. (2-e izd.)* [Private Law of Ancient Rome: Textbook. (2nd ed.)]. Rostov-on-Don, 2002. 256 p. (In Russ.).

17. Meyer D. I. *Izbrannye trudy: v 2 t. / vstupid. slovo d-ra yurid. nauk, prof. P. V. Krashenninnikova* [Selected Works: in 2 vols.; prefaced by P. V. Krashenninnikov]. Moscow, 2019. Vol. 1. 848 p. (In Russ.).

18. Novitskiy I. B. *Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava* [Basics of Roman Civil Law]. Moscow, 1972. 296 p. (In Russ.).

19. *Plato. Dialogi / per. s drevnegrech.; sost., red. i avtor vstupid. stat’i A. F. Losev; avtor primech. A. A. Takho-Godi* [Dialogues; transl. from Ancient Greek; ed. by A. F. Losev; notes by A.A. Takho-Godi]. Moscow, 1998. 607 p. (In Russ.).

20. *Plato. Zakony / per. s drevnegrech.; obshch. red. A. F. Loseva, V. A. Asmusa, A. A. Takho-Godi* [Laws; transl. from Ancient Greek; ed. by A. F. Losev, V. A. Asmus, A. A. Takho-Godi]. Moscow, 1999. 832 p. (In Russ.).

21. *Plutarch. Sravnitel’nye zhizneopisaniya. Traktaty i dialogi / per. s drevnegrech. Sost. S. Averintseva, vstup. stat’ya A. Loseva, komment. A. Stolyarova* [Comparative Biographies. Treatises and Dialogues; transl. from Ancient Greek; comp.

44. Otis G. *Aboriginal Rights at the Crossroads of Public and Private Law: The Case of the Extractive Industry. Cahiers de Droit*. 2019. Vol. 60, Issue 2. Pp. 451–490. (In Eng.).

45. Pavesi P. *Descartes and the Laws of Charity. Public and Private Law in the Letter to Voetius. Revista de Filosofia-Madrid*. 2019. Vol. 44, Issue 2. Pp. 193–209. (In Eng.).

46. Seckel E. *Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts, Festgabe für Koch*. 1903. 205 p. (In Germ.).

47. Smith L. J. *Private Law, Public Law, Metalaw and Public Policy in Space: A Liber Amicorum in Honor of Ernst Fasan. Air & Space Law*. 2017. Vol. 42, Issue 1. Pp. 101–103. (In Eng.).

48. Sokolowski P. *Die Mandatbürgerschaft nach römischen und gemeinen Recht. Halle*, 1891. (In Germ.).

49. Spickermann W. *Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion. Historische Zeitschrift*. 2017. Vol. 304, Issue 2. Pp. 465–466. (In Eng.).

50. Wan W. Y., Chen Ch., Goo S. H. *Public and Private Enforcement of Corporate and Securities Laws: An Empirical Comparison of Hong Kong and Singapore. European Business Organization Law Review*. 2019. Vol. 20, Issue 2. Pp. 319–361. (In Eng.).

51. Wils W. P. J. *Private Enforcement of EU Antitrust Law and Its Relationship with Public Enforcement: Past, Present and Future. World Competition*. 2017. Vol. 40, Issue 1. Pp. 3–45. (In Eng.).

References in Russian

1. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения: пер. с чеш. М.: Юрид лит., 1989. 448 с.

2. Васильев В. В. Гражданское право в системе: право частное-право публичное // *Право и государство: теория и практика*. 2013. № 12(108). С. 32–36.

3. Воронцов С. Г. К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2012. Вып. 3. С. 16–22.

4. Воронцов С. Г. Модель коммуникации Г. Д. Лассуэлла как элемент методологии цивилистических исследований / *Методологические*

проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. М., 2019. С. 414–432.

5. Голубцов В. Г. Совершенствование правового регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства на современном этапе // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2014. Вып. 1. С. 179–188.

6. Голубцов В. Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 249 с.

7. *Гражданское право: учебник; в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. 511 с.*

8. *Гражданское уложение Германии = Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesetz: vvod. Zakon k Grazhd. ulozheniyu; per. s nem. / sost. i vved. V. Bergmann; nauch. red. A. L. Makovskiy [i dr.]. 2-e izd., dop. M.: Волтерс Клувер, 2006. 816 с.*

9. *Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.*

10. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 782 с.

11. Кашианина Т. В. Частное право в структуре права // *Ленинградский юридический журнал*. 2007. № 1(7). С. 20–24.

12. Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А. К вопросу о внутреннем строении современного частного права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2018. Вып. 42. С. 644–663. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-644-663.

13. Кофанов Л. Л. Римское право: учеб. пособие. М.: РГУП, 2019. 274 с.

14. Кузнецов М. Н. Понятие «частное» в международном частном праве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2014. Вып. 2(24). С. 234–242.

15. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // *Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44.*

16. Makeev V. V., Golovko A. G. *Частное право Древнего Рима: учеб. пособие. 2-е изд.,*

by S. Averintseva; prefaced by A. Losev; comment. by A. Stolyarov]. Moscow, 1997. 672 p. (In Russ.).

22. *Pozdnyakov S. N. Platon i Drevne-egipetskie predstavleniya o bessmertii dushi: k probleme vliyaniya* [Plato and Ancient Egyptian Ideas on the Immortality of the Soul: on the Problem of Influence]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* – Herald of the Russian Christian Academy for the Humanities. 2010. Vol. 11, Issue 3. Pp. 46–55. (In Russ.).

23. *Pokrovskiy I. A. Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law]. Minsk, 2002. 528 p. (In Russ.).

24. *Smorchkov A. M. Avgurskiy kontrol' nad auspitsiyami magistratov: teoriya i real'nost'* [The Augural Control over the Magistrate's Auspices: Theory and Reality]. *Antichnyy mir i arkeologiya* – Ancient World and Archaeology. 2006. Issue 12. Pp. 157–171. (In Russ.).

25. *Shershenevich G. F. Izbrannoe: V 6 t.* [Selected Works: In 6 vols.]. Prefaced, comp. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, 2016. Vol. 4. 752 p. (In Russ.).

26. *Engels F. O razlozhenii feodalizma i vozniknovenii natsional'nykh gosudarstv* [On the Decay of Feudalism and the Emergence of National States]. *Sochineniya*. 2-e izd. / Marks K., Engels F. [Works. 2nd ed.; K. Marx, F. Engels]. Vol. 21. (In Russ.).

27. *Fernandez Arroyo D. P., Mbengue M. M. Public and Private International Law in International Courts and Tribunals: Evidence of an Inescapable Interaction*. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2018. Vol. 56, Issue 4. Pp. 797–854. (In Eng.).

28. *Barnes J. An Expanding Frontier of Administrative Law: The Public Life of Private Actors*. *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 595–612. (In Eng.).

29. *Bentley N. War on Two Fronts: Harmonising the Public and Private Enforcement of Australia's Corporate Disclosure Laws*. *Company and Securities Law Journal*. 2016. Vol. 34, Issue 8. Pp. 567–598. (In Eng.).

30. *Brekoulakis S., Devaney M. Public-Private Arbitration and the Public Interest under English Law*. *Modern Law Review*. 2017. Vol. 80, Issue 1. Pp. 22–56. (In Eng.).

31. *Cherednychenko O. O. Rediscovering the Public/Private Divide in EU Private Law*.

European Law Journal. 2019. DOI: 10.1111/eulj.12351. (In Eng.).

32. *Darmon E., Le Texier T. Private or Public Law Enforcement? The Case of Digital Anti-Piracy Policies with Illegal Non-Monitored Behaviors*. *Review of Network Economics*. 2016. Vol. 15, Issue 4. Pp. 169–210. (In Eng.).

33. *Eliantonio M. Private Actors, Public Authorities and the Relevance of Public Law in the Process of European Standardization*. *European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 473–489. (In Eng.).

34. *Erkan G. H., Avar A. A. Clash of Public Law and Private Law as Results of Protocol – Governed Planning: The 'Izmir Basmane World Trade Center' Case*. *Planlama-Planning*. 2017. Vol. 27, Issue 2. Pp. 152–168. (In Eng.).

35. *Flikschuh K. A Regime of Equal Private Freedom? Individual Rights and Public Law in Ripstein's Force and Freedom*. *Law and Practical Reason*. 2017. Pp. 55–74. (In Eng.).

36. *Hattab M. K. The Doctrine of Legitimate Expectation & Proportionality: A Public Law Principle Adopted into the Private Law of Employment*. *Liverpool Law Review*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 239–264. (In Eng.).

37. *Henriksson L. Private Enforcement of Public Law – An Inconsistent Approach to Remedies? Swedish Studies in European Law*. 2019. Vol. 12. Pp. 79–95. (In Eng.).

38. *Himsworth Ch. Transplanting Irrationality from Public to Private Law: Braganza v BP Shipping Ltd*. *Edinburgh Law Review*. 2019. Vol. 23, Issue 1. Pp. 1–21. (In Eng.).

39. *Krajewska A. Transnational Health Law beyond the Private/Public Divide: The Case of Reproductive Rights*. *Journal of Law and Society*. 2018. Vol. 45. Pp. 220–244. (In Eng.).

40. *Kysar D. A. The Public Life of Private Law: Tort Law as a Risk Regulation Mechanism*. *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, Issue 1. Pp. 48–65. (In Eng.).

41. *Mallik Ch. Public-Private Discord in the Land Acquisition Law: Insights from Rajarhat in India*. *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 401–420. (In Eng.).

42. *Mankowski P. Linkages and Boundaries in Private and Public International Law*. *Rabels Zeitschrift für Ausländisches und Internationales Privatrecht*. 2019. Vol. 83, Issue 3. Pp. 706–712. (In Eng.).

перераб. и доп. Ростов на/Д.: Изд. центр «Март», 2002. 256 с.

17. *Мейер Д. И. Избранные труды: в 2 т. / вступ. слово д-ра юрид. наук, проф. П. В. Крашенинникова*. М.: Статут, 2019. Т. 1. 848 с.

18. *Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права*. М.: Юрид. лит., 1972. 296 с.

19. *Платон. Диалоги / пер. с древнегр.; сост., ред. и автор вступ. статьи А. Ф. Лосев; автор примеч. А. А. Тахо-Годи*. М.: Мысль, 1998. 607 с.

20. *Платон. Законы / пер. с древнегр.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. А. Асмуса, А. А. Тахо-Годи*. М.: Мысль, 1999. 832 с.

21. *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги / пер. с древнегр.; сост. С. Аверинцева, вступ. ст. А. Лосева, коммент. А. Столярова*. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 672 с.

22. *Поздняков С. Н. Платон и древнеегипетские представления о бессмертии души: к проблеме влияния // Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 46–55.

23. *Покровский И. А. История римского права*. Минск: Харвест, 2002. 528 с.

24. *Сморчков А. М. Августинский контроль над ауспигиями магистратов: теория и реальность // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 157–171.*

25. *Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинникова*. М.: Статут, 2016. Т. 4. 752 с.

26. *Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.*

27. *Arroyo D. P. Fernandez, Mbengue, Makane Moise. Public and Private International Law in International Courts and Tribunals: Evidence of an Inescapable Interaction // Columbia Journal of Transnational Law*. 2018. Vol. 56, Issue 4. Pp. 797–854.

28. *Barnes J. An Expanding Frontier of Administrative Law: The Public Life of Private Actors // European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 595–612.

29. *Bentley N. War on Two Fronts: Harmonising the Public and Private Enforcement of Australia's Corporate Disclosure Laws // Company and Securities Law Journal*. 2016. Vol. 34, Issue 8. Pp. 567–598.

30. *Brekoulakis S., Devaney M. Public-Private Arbitration and the Public Interest under English Law // Modern Law Review*. 2017. Vol. 80, Issue 1. Pp. 22–56.

31. *Cherednychenko O. O. Rediscovering the Public/Private Divide in EU Private Law // European Law Journal*. 2019. DOI: 10.1111/eulj.12351.

32. *Darmon E.; Le Texier Th. Private or Public Law Enforcement? The Case of Digital Anti-Piracy Policies with Illegal Non-Monitored Behaviors // Review of Network Economics*. 2016. Vol. 15, Issue 4. Pp. 169–210.

33. *Eliantonio M. Private Actors, Public Authorities and the Relevance of Public Law in the Process of European Standardization // European Public Law*. 2018. Vol. 24, Issue 3. Pp. 473–489.

34. *Erkan G. H.; Avar A. A. Clash of Public Law and Private Law as Results of Protocol – Governed Planning: The 'Izmir Basmane World Trade Center' Case // Planlama-Planning*. 2017. Vol. 27, Issue 2. Pp. 152–168.

35. *Flikschuh K. A Regime of Equal Private Freedom? Individual Rights and Public Law in Ripstein's Force and Freedom // Law and Practical Reason*. 2017. Pp. 55–74.

36. *Hattab M. K. The Doctrine of Legitimate Expectation & Proportionality: A Public Law Principle Adopted into the Private Law of Employment // Liverpool Law Review*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 239–264.

37. *Henriksson L. Private Enforcement of Public Law – An Inconsistent Approach to Remedies? // Swedish Studies in European Law*. 2019. Vol. 12. Pp. 79–95.

38. *Himsworth Ch. Transplanting Irrationality from Public to Private Law: Braganza v BP Shipping Ltd // Edinburgh Law Review*. 2019. Vol. 23, Issue 1. Pp. 1–21.

39. *Krajewska A. Transnational Health Law Beyond the Private/Public Divide: The Case of Reproductive Rights // Journal of Law And Society*. 2018. Vol. 45. Pp. 220–244.

40. *Kysar D. A. The Public Life of Private Law: Tort Law as a Risk Regulation Mechanism // European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, Issue 1. Pp. 48–65.

41. *Mallik Ch. Public-Private Discord in the Land Acquisition Law: Insights from Rajarhat in India // Singapore Journal of Tropical Geography*. 2018. Vol. 39, Issue 3. Pp. 401–420.

43. *Morris R.* Public Law and Private Initiative: The Wider Context of Local Legislation. Local Government, Local Legislation: Municipal Initiative in Parliament from 1858–1872. 2017. Pp. 109–139. (In Eng.).

44. *Otis G.* Aboriginal Rights at the Crossroads of Public and Private Law: The Case of the Extractive Industry. *Cahiers de Droit*. 2019. Vol. 60, Issue 2. Pp. 451–490. (In Eng.).

45. *Pavesi P.* Descartes and the Laws of Charity. Public and Private Law in the Letter to Voetius. *Revista de Filosofia-Madrid*. 2019. Vol. 44, Issue 2. Pp. 193–209. (In Eng.).

46. *Seckel E.* Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts, Festgabe für Koch. 1903. 205 p. (In Germ.).

47. *Smith L. J.* Private Law, Public Law, Metalaw and Public Policy in Space: A Liber Amicorum in Honor of Ernst Fasan. *Air & Space Law*. 2017. Vol. 42, Issue 1. Pp. 101–103. (In Eng.).

48. *Sokolowski P.* Die Mandatbürgerschaft nach römischen und gemeinen Recht. Halle, 1891. (In Germ.).

49. *Spickermann W.* Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion. *Historische Zeitschrift*. 2017. Vol. 304, Issue 2. Pp. 465–466. (In Eng.).

50. *Wan W. Y., Chen Ch., Goo S. H.* Public and Private Enforcement of Corporate and Securities Laws: An Empirical Comparison of Hong Kong and Singapore. *European Business Organization Law Review*. 2019. Vol. 20, Issue 2. Pp. 319–361. (In Eng.).

51. *Wils W. P. J.* Private Enforcement of EU Antitrust Law and Its Relationship with Public Enforcement: Past, Present and Future. *World Competition*. 2017. Vol. 40, Issue 1. Pp. 3–45. (In Eng.).

42. *Mankowski P.* Linkages and Boundaries in Private and Public International Law // *Rabels Zeitschrift Fur Ausländisches Und Internationales Privatrecht*. 2019. Vol. 83, Issue 3. Pp. 706–712.

43. *Morris R.* Public Law And Private Initiative The Wider Context Of Local Legislation // Local Government, Local Legislation: Municipal Initiative In Parliament From 1858–1872. 2017. Pp. 109–139.

44. *Otis Gh.* Aboriginal Rights at the Crossroads of Public and Private Law: The Case of the Extractive Industry // *Cahiers De Droit*. 2019. Vol. 60, Issue 2. Pp. 451–490.

45. *Pavesi P.* Descartes and the laws of charity. Public and private law in the Letter to Voetius // *Revista De Filosofia-Madrid*. 2019. Vol. 44, Issue 2. Pp. 193–209.

46. *Seckel E.* Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts, Festgabe für Koch. 1903. 205 S.

47. *Smith L. J.* Private Law, Public Law, Metalaw and Public Policy in Space: A Liber Amicorum in Honor of Ernst Fasan // *Air & Space Law*. 2017. Vol. 42, Issue 1. Pp. 101–103.

48. *Sokolowski P.* Die Mandatbürgerschaft nach römischen und gemeinen Recht. Halle, 1891.

49. *Spickermann W.* Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion // *Historische Zeitschrift*. 2017. Vol. 304, Issue 2. Pp. 465–466.

50. *Wan W. Y., Chen Ch., Goo S. H.* Public and Private Enforcement of Corporate and Securities Laws: An Empirical Comparison of Hong Kong and Singapore // *European Business Organization Law Review*. 2019. Vol. 20, Issue 2. Pp. 319–361.

51. *Wils W. P. J.* Private Enforcement of EU Antitrust Law and Its Relationship with Public Enforcement: Past, Present and Future // *World Competition*. 2017. Vol. 40, Issue 1. Pp. 3–45.